

СТАТЬИ

В.П. ЯЙЛЕНКО

V.P. YAILENKO

ТОПОНИМИКА АНТИЧНОГО КРЫМА A TOPONYMY OF ANCIENT CRIMEA

I. Введение: античная топонимика Крыма¹

Топонимика Крыма древняя, насчитывает, как минимум, три тысячи лет истории, в нем издревле и по XVI в. н. э. обитало множество народов, сменяя друг друга. Увы, мы можем опознать из них лишь несколько, так как известия античных источников о народах Таврики доримского времени просты – здесь живут скифы, тавры, греки, некогда киммерийцы. Такой ее этнический состав подтверждается топонимикой. Этимологический анализ названий показывает их лингвистическую принадлежность, соответственно указывает и на этнос оставившего их населения, так что топонимы – своего рода паспорта обитавших тут народов. «Известные форманты названий или известные основы распространены на определенной территории и в определенный период, а следовательно, они могут быть стратиграфическими признаками, позволяющими прочесть по ним историю заселения» [Никонов, 1961, с. 141]. Так, в Северном Причерноморье топонимика позволяет выяснить, что тавры – индоарии по языку, что под общим определением «скифы» подразумеваются в числе прочих иранцы и фракийцы. Топонимика Крыма многослойна, поскольку каждый новый народ не только воспринимал наименования природных и рукотворных объектов от местного населения, но и давал им свои названия, так что сохранность их во времени стоит в зависимости от исторических условий. Нижеследующий анализ названий показывает, что древнейший слой в Крыму – так наз. средиземноморский, родственный топонимическому пласту стран Средиземноморья II-I тыс. до н.э. Таких названий полтора десятка (см. в конце Указатель 3 б). Также на смежном Северо-Западном Кавказе обитало население со средиземноморскими связями, о чем свидетельствуют имя страны псессов Тавриния, равнина в Синдике Лаврион, Коракские горы. Второй по времени топонимический слой Крыма индоарийский, он представлен топонимикой страны тавров в горном Крыму; третий слой фрако-дакийский, это киммерийское время (XIII–VII вв. до н. э.). Следующие по времени слои – обширный греческий и чрезвычайно скудный иранский, они существовали

---

¹ Посвящаю эту статью светлой памяти М. Агбунова (1952–2009), который много сделал для изучения исторической географии Северного Причерноморья (см. о нем биографическую заметку в wiki).

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

с VI в. до н. э. до IV-V вв. н.э. С первых веков н. э. этническая карта Крыма постепенно изменяется, но ввиду нестабильности населения топонимическая карта поначалу существенных преобразований не претерпевает. Лишь с наступлением Великого переселения народов, с IV в. н. э., в Крыму появляются новые топонимические слои; эта эпоха, по существу ранне-средневековая, стоит вне хронологических рамок нашей статьи – мы ограничиваемся II-III вв. н. э.

В целом античные источники донесли до нас небольшое число местных названий Тавриды немногим более сотни. К примеру, топонимика близкого ей по площади полуострова Пелопоннес (*Strabo*, VII, 4, 5: «Большой Херсонес по форме и величине похож на Пелопоннес»; последний – 21,5 тыс. км², Крым – 25,5 тыс. км²) несопоставимо богаче. И дело не столько в степени освещенности источниками, сколько в мере освоения обоих полуостровов человеком. Об этом свидетельствует само распределение местных названий на территории Крыма. Греки освоили главным образом его прибрежные местности, и тут источники зафиксировали наибольшее число названий; в степном же и горном районах проживало по преимуществу туземное население, и там топонимика разреженная, число названий невелико. Напротив, в XIII–XVIII вв. Крым основательно был освоен тюркским населением, так что крымско-османские названия покрыли всю его территорию, независимо от характера района – степного, горного или приморского. Таким образом, интенсивность топонимических пластов в Крыму определялась степенью освоенности местности, а также исторической сменой этносов, стабильно проживавших тут. Мы исследуем только ту топонимику Крыма, которая зафиксирована античными источниками. Возможно, часть древних названий сохранилась в современной топонимии Крыма (этим широко пользовались О. Н. Трубачев, А. К. Шапошников), но 2-3 волны полной смены населения полуострова в средние века и новое время заставляют относиться к этому с осторожностью (достаточно помнить уроки насильственной украинизации его топонимики в недавнее время). Согласно данным Плиния (IV, 85), в Таврике «живет 30 народов, из них внутри страны 23». Пока удастся выделить лишь греческую, индоарийскую, фрако-дакийскую, иранскую, средиземноморскую топонимию, так что можно полагать, что в круг 30 народов (*populi*) зачислены также племенные подразделения одних и тех же этносов.

Топонимика тесно связана с географическими свойствами местности, страны, региона. В этом отношении на полуострове несколько районов: степной Крым, Западный (в основном приморское побережье), горный, Юго-Западный, Южное побережье (ЮБК), Восточный Крым. Далее мы рассмотрим названия античного времени по этим районам, предварительно уделив внимание древним наименованиям полуострова в целом – Тавр, Таврика. Затем обратимся к топонимике Юго-Запада и ЮБК, в основном греческой и потому наиболее ясной, после чего перейдем к другим районам с преимущественно туземной топонимией, менее понятной.

Нижеследующая статья – часть подготавливаемой нами монографии по топонимике античного Северного Причерноморья; из ее крымских материалов уже опу-

Боспорские исследования, вып. XXXV

бликованы разделы о топонимике Восточного Крыма (ТАБ, см. ниже раздел VII) и горного Крыма [Скифия, с. 116–121, здесь раздел IV)]².

Несколько слов об историографии топонимики Крыма. Более всего исследован ее крымско-османский пласт, получивший глубоко профессиональную разработку в двух монографиях обобщающего характера [Суперанская, Исаева, Исакова, 1997; Бушаков, 2003]. Значителен по числу названий словарь топонимики современного Крыма [Белянский, Лезина, Суперанская, 1998]. По топонимике античного времени обобщающего исследования нет, есть ряд работ об отдельных названиях (см. полную библиографию [Sojosaqu, 2014, p. 158 sg.]), мы упоминаем их ниже в соответствующих местах. Отдельно выскажемся о работе крымского топонимиста А. К. Шапошникова. В 2011 г. он опубликовал большой труд «Древнейшая ономастика Таврического полуострова: словарь» (в сборнике статей разных авторов «Топонимика Крыма 2011», с. 271–444). Это часть его обширной диссертации «Языковые древности Северного Причерноморья (Этимология языковых реликтов Северного Причерноморья». М., 2007, 817 с.; pdf), представленная в Институт русского языка РАН в Москве на соискание ученой степени доктора филологических наук. Однако она не была принята к защите по причине несоответствия искомой степени. И на наш взгляд, это скорее три кандидатские диссертации, принимая во внимание уровень и объем исследования. А. К. Шапошников проделал колоссальную работу, исследовав сотни личных имен, топонимов, этнонимов из самых разных языковых пластов ономастики Северного Причерноморья от древности до XIX–XX вв. Он выделил следующие ономастические пласты, в том числе в Крыму: иллиро-кельтский, фракийский, индоарийский, восточноиранский, германский, эллинский (античный), греческий (средневековый), римский, гунно-болгарский, угорский; также хеттский, раннеиндоевропейский, позднеславянский. О большинстве их ученые вели речь и прежде, так что в этом отношении А. К. Шапошников продолжил имеющуюся историографическую традицию. Но последние три слоя он впервые выделил, и нельзя сказать, что успешно. О единичных хеттских ономастических реликтах в Северном Причерноморье речь уже велась специалистами (например, в гидронимии Нижнего Дона), но у А.К. Шапошникова их уже немалый список, и принесли их сюда амазонки, соединившиеся с местными савроматами! Иначе говоря, фольклорную байку Геродота да Диодора он считал историко-языковой реальностью. Вряд ли приемлемо выделение слоя раннеиндоевропейских названий. Славяне локализируются письменной традицией в Средней Европе и оттуда после VI в. н. э. переселялись в Восточную Европу; как их далекие предки, праславяне, могли оказаться в Крыму, ведомо лишь А. К. Шапошникову³.

² Поскольку статья большая, для ориентации читателя в ней приведем названия ее последующих разделов: II. Общие наименования полуострова Крым, III. Юго-Западный Крым и Южное побережье, IV. Горный Крым, страна тавров, V. Западный Крым и прилегающая акватория, VI. Степной Крым, Перекоп, Сиваш, VII. Восточный Крым, VIII. Некоторые итоги: этнонимические пласты античной топонимии Крыма.

³ Он не один: некоторые лингвисты предлагали связь праславян с днепро-донецкой культурой эпохи

данные по ономастике древней Ойкумены, содержащиеся в античных письменных источниках. Хотя он приводит цитаты из сочинений античных авторов на греческом и латинском языках, знания этих языков не видно – нет работы с этими цитатами. Как лингвист (кандидат филологических наук) он грамотно работает с греческо-русским словарем, но работы с текстами античных источников нет, отсюда поверхностность многих его суждений, которая проистекает также из незнания специальной литературы по исторической географии античной Тавриды и прилегающих регионов (конкретные примеры приведем ниже). На наш взгляд, наиболее существенна та часть работы А. К. Шапошникова с названиями древнего Крыма, которая связана с индоарикой.

Et in fine. В России много замечательных мест. Я поездил по свету и знаю не понаслышке, что природа нашего отечества самая прекрасная, великолепная своим многообразием. И в нем особое место занимает Крым – не только благодаря чудесной природе, но прежде всего вследствие богатейшей истории, которая придала ему необыкновенное своеобразие. Оно как патина и позолота на античной бронзе (потрясающий ее пример – конная статуя Марка Аврелия в Капитолийском музее). У Крыма самая богатая история, ни одна другая область нашей страны не имеет подобной. По причине многообразия природы и этнической истории разнообразна и его топонимика. Проникновенными словами воспел Крым писатель К. Г. Паустовский [1973, с. 305], жизнь которого была прочно связана с ним: «Есть уголки нашей земли настолько прекрасные, что каждое посещение их вызывает ощущение счастья, жизненной полноты, настраивает все наше существо на необыкновенно простое и плодотворное лирическое звучание. Таков Крым»⁴.

II. Общие наименования полуострова Крым

1. Таврика, полуостров, 1а. Тавр, горная цепь юго-запада⁵. Крымский полуостров известен под именем Ταυρικῆ начиная с Геродота (IV, 20 *etc.*). Это прилагательное, исходная форма Ταῦρος, хотя она применительно к Крыму засвидетельствована поздно поэтом II в. н. э. Дионисием Периегетом (Per. 168). Ταῦρος – имя грандиозной горной цепи, начинающейся на востоке Малой Азии и тянущейся до пределов Индии и азиатской Скифии (*Strabo*, XI, 1, 2-3). В числе его

---

⁴ Я сам дончанин, до 20 лет жил в Донецке, затем в Москве, но предки мои, по меньшей мере с XVIII в., из Крыма – из селения Чердаклы на Караби-Яйле, от которой наша фамилия. Так что моя любовь к Крыму, особенно к Керчи, в крови, это моя прародина. Мой большой дом, в котором каждодневно мысленно живу и тружусь – это вместе взятые Донецк, Москва, Керчь, Ольвия, Великий Новгород, каждому я воздал в большей или меньшей мере должное своими научными изысканиями. Название «Чердаклы» крымско-османское, к *чардак* «верхний покой», «балкон» [Радлов, 1905, стб. 1869] + аффикс отыменных прилагательных *-лы*, т. е. селение, имеющее дома с балконами-на-весами (от *чардак* и русское *чердак* [Фасмер, 1973, с. 336]).

⁵ Этот параграф опубликован [ТАБ, с. 411], здесь доработан.

λαβύρινθος «каменный лабиринт», λάβρυς «каменный топор»; имя города в Карию Λάβραυνδα и пр. Сюда и название равнины в Синдике Λαύριον у Тимонакта (аруд *Apoll. Rhod. Arg. IV,321*; подробней см. ТАБ, с. 413), с ним надо сопоставить известное автору «Землеописания» II в. до н. э. Аполлодору название страны псессов Ταυρινία (аруд *St. Byz., s. n. Ψησσοί = SC 1, p. 270*). В исходной основе *tap/b-, как показывают производные *lav(a)- и др., интервокальное -p/b- могло спирантизироваться, т. е. перейти в *u, v* (это универсальный переход); отсюда, с наращением суффикса -r-, образованы формы *laug- (λαύρα etc., см. о них [Гиндин, 1967, с. 83-84, лит.]), *tau-r- (Ταῦρος etc.).

Нашу этимологию названия Тавр поддерживают физиографические реалии; так, имя реки Ταύριος в Арголиде действительно «каменное», ибо местность гористая – рядом с нею скала (*Paus. II, 32, 7*). Крым получил имя Тавр по своему гористому юго-западу, физиографически это наиболее приметная его часть. Ср. у К.Г. Паустовского [1973, с. 130-131] (герой рассказа подплывает на пароходе из Одессы к Юго-Западному Крыму): «Крым поднялся из морской голубизны, как остров сокровищ. Облака лежали на вершинах его сиреневых гор». Географ и стихотворец II в. н. э. Дионисий дал ему поэтическую характеристику – «холодное подножие Тавра» (Рег. 168), что резонно пояснил схолиаст: ««холодным» поэт называет Тавр потому, что он высок, ибо высокие местности отличаются стужей» (SC 1, p. 213). Кроме Европейского Боспора, который считался частью Таврики, топооснова *taug- представлена и на азиатской его стороне. Как сказано, автор II в. до н. э. Аполлodor в сочинении «Землеописание» называет страну псессов Ταυρινία, это, без сомнения, древнее имя предгорий Северного Кавказа, где обитали псессы, тамошний оронимический отголосок Великого Тавра. Равным образом упомянутое выше имя равнины в стране синдов Λαύριον тоже туземный топоним, поэтому они, как и название Крыма Ταῦρος, аборигенные, их появление не связано с греками. Средиземноморский характер этих четырех названий, а также Корет, Коракс, Истр и др. в Крыму (см. ниже Указатель 3б) свидетельствуют, что население Крыма и Северо-Западного Предкавказья II-I тыс. до н. э. принадлежало к числу субстратных этносов Средиземноморского региона.

Поясним, что так называемые средиземноморские языки – это условное обозначение языков населения прилегающих к Средиземному морю регионов – юга Европы, Северной Африки, Ближнего Востока. Это в основном Пиренейский и Апеннинский полуострова, Эгеида (Лемнос и пр.), острова Кипр, Крит, Сицилия, Корсика и др. Эти языки существовали здесь до прихода индоевропейцев и семитов. Их генетические связи не вполне ясны, но выявлено множество общих черт в фонетике, морфологии и особенно лексике. Носители этих языков известны как

передавали как Tugdammi, греки Λύδαμις (см. ниже № 42-45 – о Тамираке). Того же свойства чередование *d-l*: (до)греческое Ὀδυσσεύς – Ὀλυττεύς, лидийское Ἀλυάττης – Ἀδυάττης и мн. др. [Гиндин, 1967, с. 162-163, лит.; Откупщиков, 1988, с. 19, 128, лит.].

островом, подразумевает и Плиний (IV, 85), говоря, что некогда Таврика была залита морем (имеется в виду степной Крым, отделенный от материка Сивашем).

7. Танаис-Таврика. Наряду со Стефаном об этом пишет также Псевдо-Плутарх (De flav. XIV, 4): рассказав о реке Танаис в § 3, он продолжил: «к нему (Танаису) прилегают (παράκειται δ' αὐτῷ, sc. Τανάδι)¹¹ гора, на языке туземцев называемая Βριξάβα, что в переводе *значит* Крюб метопов» (SC 1, p. 502), из чего также вполне явствует наименование Таврики Танаисом (о Бриксабе см. № 20). Так как по Стефану Таврика «большой остров», разъяснить именование ее Танаисом можно тем, что при понятном грекам значении названия Танаис «протяженный, длинный» (иран. *tanu- «протяженный, длинный» [Яйленко, 2010, с. 337; ТАБ, с. 393]), это «Длинный» остров. Что древние греки подметили значение названия Τάναϊς как «длинный», указывает комментарий Евстафия к Дионисию Периегету (Per. 14 = SC 1, p. 188): «сия река Τάναϊς по-гречески *так* называется потому, что течет протяженно (τετμένως ρεῖν)».

8. Алопекия-Таврика, 9. Меотия-Таврика. Упомянутое известие Стефана, что некоторые писатели называют Таврику Алопекией, находит некоторое соответствие у Плиния (IV, 87): Bospoti Cimmerii longitudo XII' D passuum, oppida habet Hermisium, Murgescium et intus insulam Alopescen, что переводчики И. П. Цветков (SC 2, p. 174) и М. В. Скржинская [1977, с. 27, 97] грамматически адекватно передали так: «Длина Боспора Киммерийского 12500 шагов, на нем расположены города Гермисий и Мирмекий, в самом *проливе* остров Алопека»; последний, поясняет М. В. Скржинская, «следует отождествить с одним из островов, которые существовали при впадении р. Кубани, а затем составили Таманский полуостров» (тут подразумевается при intus слово «*пролив*» – «внутри *пролива*»). Однако в смысловом отношении такой перевод порождает недоуменную ситуацию. С одной стороны, поскольку малого острова Алопека при устье Танаиса Плиний не знает, можно думать, что он или его источник ошибочно перенес название Алопека на Таманский остров. Однако это проблематично, так как Стефан говорит и о малом острове Алопека, и об Алопеке-Тавриде. С другой стороны, при интерпретации переводчиков мы получаем название одного из двух Таманских островов Алопека, неизвестное другим источникам, а те, между прочим, дружно именуют их «островом Фанагора» и «островом Гермонасса»¹². Такая фактическая неудовлетворительность перевода вынуждает нас прибегнуть к иной интерпретации текста Плиния, именно не подразумевая слова «пролив», которого у Плиния нет (учтем и разные значения слова intus – «внутри, внутрь, изнутри»). В античной традиции существует представление, что Боспор Киммерийский не только пролив, но и море¹³. Поэтому возможно понимание

¹¹ Точно так же и в начале предыдущих параграфов 2 и 3 название Танаис заменено местоимением αὐτῷ.

¹² Гекатей, Псевдо-Скимн, Страбон, Мела и др. Мы подробно разбираем известия античных авторов об островах Фанагория и Гермонасса [Яйленко, 2017а, § I, 4]. Конечно, можно предположить, что у одного из этих островов было второе название – «Лисье», но ничем подкрепить это нельзя.

¹³ Автор II в. н. э. Авл Геллий (Noct. Att. XVII, 8, 16 = SC 2, p. 265): mare Bosporicum, quod "Cimmerium" appellatur «Боспорское море, именуемое Киммерийским». Поэт III в. до н. э. Ликофрон упомянул в по-

(Полуостровная, сиречь Таврическая); по существу, крымская колония получила имя метрополии – Гераклеи Понтийской, снабженное для отличия географическим детерминантом – «тот, что на Херсонесе», т. е. в Тавриде (см. № 2 – Херсонес Большой). Таким образом, Херсонес последовательно носил следующие имена: по праметрополии – Мегарика, по метрополии – Гераклея, наконец, для отличия от них остался географический детерминант – Херсонес (Χερσόνησος), обозначение Таврического полуострова в целом для обитателей Греции. Но для жителей Таврики и самих херсонеситов название Херсонес было связано с расположением города на Маячном и Гераклейском полуостровах (ср. № 13, 14 – Малый Херсонес, Старый /Древний Херсонес).

13. Малый Херсонес. *Strabo*, VII, 4, 2: Χερρόνησος μικρά «Малый Херсонес», обозначение Гераклейского полуострова. В топонимике эпиклеса Малый обычна (например, Μικρά Λέπτις, Μικρά Σύρτις, Μικρός Πετράς [Pape, Benseler, 1884, S. 923]; по-русски Малая Азия, Малые Карпаты и пр. [Поспелов, 2003, с. 186-187]). Кроме того, это микротопонимический узус херсонеситов, поэтому нужно писать Χερρόνασος Μικρά «Малый Херсонес» (как наши топонимы и микротопонимы – село Малая Перещепина, река Малая Терновка, остров на Днепре Малая Хортица и пр.).

14. Старый/Древний Херсонес. 15. Новый Херсонес. Страбон (VII, 4, 2): «между городом (Херсонесом) и мысом (Парфений) есть три залива, затем *следует* разрушенный старый Херсонес (ή παλαιά Χερρόνησος κατεσκαμμένη), а за ним... бухта Симболон». Три залива – это, надо думать, Казачья, Камышовая и Стрелецкая бухты [Туровский, 2015, с. 336], а Старый (Древний) Херсонес – поселение на перешейке Маячного полуострова с керамикой конца VI – V вв. до н. э. [Щеглов, 1994, с. 10; Зедгенидзе, 2015, с. 50–52], либо поселение между Балаклавской бухтой и мысом Фиолент [Зубарев, 2005, с. 216]. Наличие материала конца VI–V вв. до н. э. на городище Херсонеса и на перешейке Маячного полуострова указывает на синхронное или почти синхронное существование обоих городищ, так что Новый Херсонес Плиния был наследником Старого Херсонеса в пределах жизни одного поколения¹⁴. Хотя у Страбона *παλαιά* не часть топонима, а прилагательное, полагаем, что это обозначение было в ходу у жителей нового Херсонеса в качестве топонима, залог чему – употребительность названий *Παλαιά* и его производных в топонимике Греции [Pape, Benseler, 1884, S. 1107-1108]; ср., к примеру, топонимические пары: Σκυθίη и Ἀρχαίη Σκυθίη, город Βύβλος в Финикии и неподалеку Παλαίβυβλος «Старый Библос» (Strabo, XVI, 2, 19); ср. и наши бесчисленные названия со словом «старый» – Старый Оскол, Старая Русса и пр. [Поспелов, 2003, с. 270-271]. Следовательно, в узусе херсонеситов был топоним Παλαιά Χερρόνασος или Χερρόνασος παλαιά «Старый/Древний Херсонес».

¹⁴ О ранних материалах (амфорная тара, ионийская, псевдоионийская и чернолаковая керамика) на городище Херсонеса см. [Vinogradov, 1997, S. 397–419; Виноградов, Золотарев, 1999, с. 91–129]. Названные авторы неоправданно удревнили эту керамику – она не старше V в. [Буйских, 2006, с. 263–277, лит.; Зедгенидзе, 2015, с. 50–55], как и чернолаковые черепки с личными именами [Яйленко, 2000, с. 186-187; 2017, с. 754–757; Тохтасьев, 2007, с. 11–125].

Фиолент районе Мраморной балки, дает основание предполагать наличие там святилища Девы [Зубарь, 2007, с. 99 сл.]. О культе Девы много литературы: [Русяева, Русяева, 1999; Зубарь, 2005, с. 17 сл.] и др.

18. Гавань Символов (Симболон). После «Старого Херсонеса» (№ 14) Страбон (VII, 4, 2) упоминает эту гавань: «за ним бухта с узким устьем (λιμὴν στενόστομος), при которой тавры, скифский народ, устраивали свои разбойничьи западни (и) нападали на тех, кто спасался в ней; называется бухтой Символов (Συμβόλων λιμὴν)». По этому описанию гавань отождествляется с Балаклавской бухтой (подробности [Зубарев, 2005, с. 215-216]). Арриан (Per. 30) дал форму ед. числа таврического топонима – Συμβόλου λιμὴν, Псевдо-Арриан (Per. 81) дал формы ед. и мн. числа: Συμβόλου λιμὴν ... ἤτοι Συμβόλων λεγόμενος «залив Символа... , или Символов зовущийся». Род. падеж *sg.* Συμβόλου и *pl.* Συμβόλων может быть произведен от существительных (τὸ) σύμβολον «знак, примета, предзнаменование» или (ὁ) σύμβολος «предзнаменование», либо от прилагательного σύμβολος «встречный, попавший(ся) навстречу». В Греции есть несколько подобных топонимов. Название местности в Аркадии Σύμβολα, по разъяснению Павсания (VIII, 54, 1), дано вследствие впадения тут в исток Алфея вод нескольких других источников, т. е. означает «Слияние»; имя горной цепи в Македонии или Фракии Σύμβολον, согласно разъяснению Диона Кассия, дано по соединению с другой цепью, т. е. означает «Соединение» (оба примера даем по [Pape, Benseler, 1884, S. 1457]). Поскольку нет признаков какого-либо «соединения» Балаклавской бухты с какой-нибудь другой, такое значение топонима к нашему случаю не подходит, этому препятствует и форма множ. числа. В литературе, особенно краеведческой, распространено понимание названия Συμβόλων в соответствии со значением слов σύμβολον и σύμβολος – бухта «Предзнаменований». Нам известен лишь один случай подобного рода – топоним в беотийских Фивах Οἶονοσκοτεῖον «место наблюдения за предзнаменованиями», посвященное гомеровскому прорицателю Тиресию (*Paus.* IX, 16, 1), κ οἶωνός «предзнаменование». Может быть, при бухте Симболон было святилище, как на ближайшем мысу Парфений (№ 17), с функцией прорицалища, но пока это недоказуемо. Поэтому предпочитаем связывать название Симболон с выражением λαμπάδος τὸ σύμβολον «сигнальный огонь» (*Aesch. Agam.* 8): на мысах Южного берега Крыма были устроены разного рода маяки, о чем свидетельствует имя селения Лампада «сигнальный огонь» близ Аю-Дага (№ 25) и мыса Форос (гр. φαρός «маяк»). По закону речевой экономии это двусложное название сократилось до одной основы – Симболон¹⁸.

Генуэзское имя города в XIV в. при бухте Симболон *Sembalo* – адаптация древнего названия Σύμβολον по созвучию, видимо, к итал. *cémbalo* «кимвал, тамбурин, клавесин» (может быть, форму одного из этих инструментов имел какой-нибудь

¹⁸ К примеру, название мыса и предгорий Κριοῦ μέτωπον «Бараний лоб», наряду с Крымом известно на Кипре, Крите и близ Византия, употребляется также в сокращенной форме, отдельно – Κριοῦ и Μέτωπον [Pape, Benseler, 1884, S. 719, 910]. Так и мы, например, вместо имени Санкт-Петербург говорим и пишем просто Петербург.

Карамбиса в Европе лежит огромнейший мыс, обрывистая со стороны моря высокая гора» (SC 1, р. 271). Итак, во-первых, «отделяющийся» характер мыса Крiоῦ μέτωλον обусловлен его крайним южным положением на Таврическом побережье; во-вторых, правильно именовать мыс Крiу метопон, а не Бараний лоб. Судя по современной карте, это мысы Сарыч и Форос, с чем согласуются показания древних источников. Птолемей (Geogr. III, 6, 2) поместил Крiу метопон между гаванью Ктенунт (Севастопольская бухта, № 16) и Хараксом (мыс Ай-Тодор, № 21), так что это мыс Сарыч или Форос. По Псевдо-Арриану (Per. 78), «от Лампады до высокой горы Крiу метопон, мыса Таврики, 220 стадиев, 29, 5 миль», т. е. ок. 45 км плавания к западу от Лампады (совр. поселок Кипарисное, № 25), что приводит к Форосу. Судя и по данным Плиния (IV, 86), Крiу метопон скорее Форос²¹. Резонно мнение, что плившие с востока принимали за Крiу метопон Форос, плившие с запада – Сарыч. См. также о локализации [Агбунов, 1985, с. 38–42; 1987, с. 113-114; 1992, с. 209–211; Зубарев, 2005, с. 211-216], указания на старую литературу [Vasmer, 1923, S. 71].

20. Бриксаба, мыс. Согласно Псевдо-Плутарху (De flux. XIV, 4), «к нему (Танаису = Таврика, № 7) прилегает гора, на языке туземцев называемая Βριξάβα, что в переводе *значит* Крiоῦ μέτωλον» (далее следует легенда о золоторунном баране Фрикса, уснувшем на горе Крiу метопон: SC 1, р. 502). Есть иранское объяснение этого названия В. Ф. Миллера (из осет. varik «баран» + sivā «рог»), подправленное М. Фасмером (из *Βριξάρβα, при авест. srvā «рог» [Vasmer, 1923, S. 71]). Ни одно, ни другое не приемлемо: первое потому, что сочинение «О реках» составлено во II в. н.э., поэтому аланов еще не было в горном Крыму; второе потому, что приходится подправлять название. Проблемность этой этимологии заключается также в полном отсутствии иранских топонимов в горном Юго-Западном Крыму, тем более на морском побережье. Та же причина не позволяет принять и кельтские сближения А.К. Шапошникова²². Вряд ли стоит сомневаться, что это таврский топоним. Поскольку тавры индоарии (см. ниже, раздел IV), предположительно усматриваем в данном топониме др. инд. *praksīra- «направленный вперед» (префикс grā-

²¹ По Плинию, от Феодосии до Крiу метопона 125000 шагов, до Херсонеса – 165000 ш. Стало быть, от Херсонеса до Крiу метопон 40000 ш. = ок. 60 км. Понятно, что это расстояние посуху.

²² [2007, с. 48]: «*briks- ‘горная вершина’ (?) ... – из и.-е. *bhreg- ‘жестко выступать, край, грань, ребро’, кимр., брет. brig ‘горная вершина’ (< *bhrgiko-) (Pokorny I, 166), ср. кельт. местные названия Brixellum, Brixillum (Brescello), Brixia (Brescia) в Gallia Cispadana и Transpadana (Holder). Таким образом, мыс назывался то ли «острый вырост», то ли «горная вершина». Видимо, осознав, что это объяснение не соответствует греческой кальке Бараний лоб, на с. 237 Шапошников пишет о Бриксабе совсем иное: «этимология из и.-е. диал. производного прилаг. *vriksava ‘овечий’ (ср. др.- инд. vrikṣu- ‘covered with trees’), ср. слав. производные речные названия Кичава, Нишава, Ресава, Серава (Болгария), Морава, Ljutava, Orjava, Orjava (Сербия), Черава (алб.-болг.), Бобрава (Россия), Rudawa (Польша), и литовские речные названия Bikava, Artava, Lylava, Blendžiava, Gariava. Предполагаемое первичное значение – ‘лоб барана’». Здесь все сумбур: с таким же успехом можно сослаться и на формант *-ва* гидронимов Коми и Удмуртии; остается также загадкой, как из др.- инд. vrikṣu- «покрытый деревьями, лесом» А. К. Шапошников получил «индоевропейское диалектное производное прилагательное *vriksava ‘овечий’».

указанию Плиния, что Харакени город внутренней Таврики, тогда как Харакс приморский Ай-Тодор.

23. Коракс, мыс. Возможна идентификация с мысом Аю-Даг. Название *Κόραξ* со значением «гора, предгорье, скала» зафиксировано также в Греции (Локрида, Этолия). На Кавказе известны Коракские горы (Mela, I, 109); Птолемей (Geogr. V, 8, 14 sq.) знает гору и горы Коракс (северо-западные отроги Кавказа). Смысл основы выявил В. Георгиев [1958, с. 169]: в Троеде известны гора, река, город *Καρῆσ(σ)ός* [Strabo, XIII, 1, 44; Pape, Benseler, 1884, S. 622], и по турецкой кальке имени этой реки *Taş-oluk-dere* «Каменный канал/река» он восстановил основу **(s)koḡā* или **kar(ṛ)ā-* «камень, скала». На Балканах, в Эгеиде и Западной Малой Азии есть много топонимов с основой *kar-*, собравший их Л. А. Гиндин [1967, с. 108–114] счел ее этнонимической – в качестве имени карийцев (*Κάρ*) и возвел к ней все эти топонимы. Однако ареал их распространения намного шире зоны обитания карийцев, так что, полагаем, значительную часть топонимов следует связывать с основой **koḡā*, **karā-* «камень, скала, каменистая местность, земля». Таковы по меньшей мере *Κάριον* – название гор на Самосе и в Лидии, имя эпонима акрополя («вышгорода») в Мегарах *Κάρ*, имя города на Евбее *Κάρ-υστός*, который, по Страбону (X, 1, 6), лежит у подошвы горы и обилен разработками камня, так что имя города означает «каменистая местность, земля», сказанное относится и к городу Карист в Лаконии, лежащему близ гористой Аркадии. Бесчисленны топонимы с основой **kor-* [Pape, Benseler, 1884, S. 694–703], мы перечислим лишь названия на **korak(s)-*: *Κόρακες*, *Κοράκια* (местности в Фессалии), *Κορακίσιον* (предгорья, залив и город на границе Киликии и Памфилии); в плане значения основы показательны сложные топонимы *Κόρακος πέτρα* – местность на гористой Итаке («Скалистая гора»), *Κοράκιον ὄρος* – гора близ Колофона (ссылки на источники [Pape, Benseler, 1884, S. 694])²⁴. Наряду с балкано-эгейско-анатолийским ареалом основа **korak(s)-* распространена также в Восточном, Южном и Западном Средиземноморье: *Κοράκη* (город в *Agabia Petraea* = Каменистая!), *Κορακίου χῶρα* в Эфиопии, *Κορακόννητος* (остров у Ливии), *Κορακῶδης λιμὴν* – залив Сардинии, *Κορακῆνσιοι* – ее обитатели (ссылки на источники [Ib. S. 694]). На Кавказе это *Κοραξικός τεῖχος*, *χῶρα* (Стефан Византиец), известный Гекатею и Гелланику народ *Κόραξοι*; река *Κόραξ* (т. е. Горная), *Coracci montes* – часть Большого Тавра, по Меле и Плинию (ссылки на источники [Ib. S. 695]). Такое повсеместное распространение основы **koḡak(s)-* указывает на ее средиземноморский характер, подобно названиям *Ταῦρος*, *Χάραξ*, *Τάβανα* и др. (см. Указатель 3 б). Таково и название мыса Коракс²⁵. Не исключено родство с топонимом Харакс (№ 21).

²⁴ Сюда относятся также названия с основой **kar-*, **kor-* и суф. *-σ(σ)-* типа вышеупомянутого *Καρῆσ(σ)ός* [Pape, Benseler, 1884, S. 622, 624, 694-695], так как сей суффикс происходит из *kj*, т. е. **koḡēk-jo-s*.

²⁵ Образец работы А. К. Шапошникова [2007, с. 214] с рассмотренным названием: «имя гор *Coracici montes* (Mela) сопоставимо с др.-инд. *Kuru-kṣe-(tra)* «владение Куру». Получается, что эта часть Кавказских гор тоже «владение Куру», героического рода «Махабхараты»!

небольшого, но хорошо населенного города, где строятся суда, 10 миль; отсюда до Лабады, прекрасного города, 8 миль, от Лабады до Шалусты (Алушта), важного приморского города, 10 миль» [Кулаковский, 1914, с. 94]²⁶. Оба города упоминаются и в договорах генуэзцев с монголами 1365–1387 гг. в формах Пертените и Ламбадие [Иб., с. 110]. Имя *Λαμπάς* (*gen. Λαμπάδος*) – это гр. *λαμπάς* (*gen. λαμπάδος*) «факел, сигнальный огонь» (*Aesch. Agam. 28 etc.*), т. е. тут был маяк. Древнее название Лампада сохранилось до средневековья и наших дней в тюркизованной форме Кучук-Ламбат (Малый Маяк, совр. поселок Кипарисное) и Биюк-Ламбат (Большой Маяк); первый – прибрежный поселок у мыса Плака, второй расположен в глубине на горной гряде над побережьем.

IV. Горный Крым, страна тавров²⁷

От названия Крыма *Ταῦρος* получило имя его население – *Ταῦροι* (Геродот, Еврипид), *Ταυροσκύθαι* (*Plut. Prov. Alex., s. n.; Eustathii comm. in Dion. Per. 163*), *Σκυθотаῦροι* (*Ps. Arr. Per. 78*). Об этнической принадлежности тавров, древнейшего народа Крыма, известного нам по имени, свидетельствуют данные его топонимики²⁸. Вообще в античной Таврике выделяется греческая (Херсонес, Евпатория, Неаполь и пр.) топонимика, в Восточном Крыму фрако-дакийская (города Тарона, Тадзос и др., см. ниже раздел VII), редкая иранская (Хабеи, Напит, Оргокина). Вместе с тем во внутренней Тавриде есть упомянутая Птолемеем группа названий городов весьма своеобразного облика, которые отличаются и тем, что более нигде не упоминаются. Логично совместить эту группу экзотических названий со столь же экзотической группой населения – таврами. Основной их ареал определяется территорией распространения кизил-кобинских археологических могильников и поселений начиная с XIII-XII вв. до н. э., которые концентрируются преимущественно в Юго-Западном горном Крыму, в том числе на побережье и в его предгорьях (см., к примеру, карты [Степи... , 1989, с. 12, 81]). Эти названия естественным образом увязываются с таврами как автохтонным населением полуострова и могут быть объяснены на основе индоарийской (т. е. древнеиндийской, санскритской) лексики. Индоарийская гипотеза, предполагающая присутствие в Северном Причерноморье II-I тыс. до н.э. индоарийского населения, насчитывает уже два столетия – ее выдвинул К. Риттер [Ritter, 1820], затем обосновывали П. Услар, П. Кречмер, более всего О. Н. Трубочев, в последнее время А. К. Шапошников и автор этих строк (см. об истории этого направления, в том числе о ревностной критике иранистов [Трубочев, 1999, с. 19–22;

²⁶ Миля Идриси = 1555 м, так что от Гурзуфа до Партенита 15,5 км, от Партенита до Лампады 12,5 км, от Лампады до Алушты 15,5 км. Расстояние от Гурзуфа до Партенита в 15,5 км в точности соответствует современному водному маршруту (не каботажному) из Гурзуфа в пос. Фрунзенское, расстояние от Партенита до Лампады в 12,5 км приводит нас в район прибрежного поселения Кучук-Ламбат.

²⁷ Этот параграф опубликован [Скифия, с. 116–121], здесь переработан.

²⁸ О таврах I тыс. до н. э., в том числе в раннем железном веке, см. [Щеглов, 1988; Храпунов, 2004].

ских имен городов у Плиния и Птолемея – объяснение из одного языка. Пока что данные для этого предоставляет только индоарийский. Более того, именно он дает объяснение весьма странным для названий городов окончаниям на -i: Orgocini, Characeni, Assyranī, Stactari, Calioridi. Издавна бытует мнение, что они скорее представляют собой этнонимы или этниконны, однако Плиний ясно указал, что это города (oppida). Индоарийским существительным и прилагательным муж. рода на -a, -an etc. соответствуют формы жен. рода на -ī (напр. kumāga- «мальчик», kumāgi- «девочка»). По одному этому признаку упомянутые названия городов индоарийские. Употребление имен городов в женском роде обусловлено подразумеваемым при них существительным женского рода viṣ «место жительства, селение». Следовательно, эти имена – прилагательные или причастия, что нужно учитывать при этимологизации. В связи с подразумеваемым словом viṣ «место жительства, селение» заметим также, что по сути все ойконимы Тавриды, при которых античные авторы употребляли слова πόλις, oppidum, в реальности, как показывает карта поселений Крыма античного времени, были поселками, большими или малыми, укрепленными или нет, но селениями, не городами. По существу, в Крыму античного времени были лишь два настоящих греческих города – Херсонес да Пантикапей, все остальное – поселки³⁰.

Из числа приведенных названий городов четыре, полагаем, связаны с понятиями «вершина, убежище, укрепленное место», которые характерны для расположения таврских поселений, почти исключительно горных. Название **Παρόστα** включает др. инд. rāga «наивысшая точка, вершина» и -stha «находящийся, расположенный»³¹. Этот пример и 5 нижеследующих показывают передачу индоарийских придыхательных смычных соответствующими греческими не придыхательными – глухими и звонкими: th – τ, dh – δ, gh – γ, что оправдано, так как придыхание индоарийских смычных слабое. Это правило вполне соблюдается, так что представляет собой известный залог точности привлекаемых соответствий. Название города **Ποστύγία** – из др. инд. pasti- (pastya «стойло, хлев, конюшня», pastiām «дом», pl. pastyā «усадыба», основа pā- «защищать» и то же -sth- «находиться») + gavi «корова», значение топонима «коровье стойло»³². Название города **Βαδύτιον**, полагаем, сопоставимо с формами

³⁰ Первый хорошо раскрыт раскопками, второй – археологический фантом, ибо нам известен лишь его акрополь на Митридате, городская же застройка не обнаружена, хотя ее упомянул Страбон (VII, 4, 4): «Пантикапей есть холм (λόφος), вполне окруженный селитьбой (πάντη περιουόμενος ἐν κύκλῳ) на 20 стадий». Страбонов стадий 157-159 м [Фирсов, 1972, с. 167], так что селитьба Пантикапея – это прибрежный полукруг у подножия Митридата длиной 3 с небольшим км, примерно от Мелек-Чесмы с загибом (ἐν κύκλῳ) на юго-запад по заливу в сторону Аршинцево. См. [Зинько, 2012; Шестаков, 2012].

³¹ Этимология О. Н. Трубачева [1999, с. 259]: *par-osta- «у устья», «ср. др. инд. pari- «кругом, вокруг», oṣṭha- «губа, верхняя губа». Есть и иранская этимология Э. А. Грантовского [1970, с. 208]: parusta «находящийся впереди».

³² «Коровья» тема настолько распространена у индоариев, что стала сакральной. А. К. Шапошников (у О. Н. Трубачева [1999, с. 260]) видел в Ποστύγία др. инд. *pasti-gaia- «усадыба + семья», «ср. др. инд. pastya- «стойло, конюшня, хлев», pastyā «усадыба» и gāya- «дом, хозяйство, семья». Позднее он

стоинство», árghatī «ценится») и udā «вóды»; в целом вероятное значение топонима «ценный водой» – актуальное для маловодного степного Крыма значение названия. О. Н. Трубачев [1999, с. 227] обратил внимание на параллельное название города Ἐργουδα в Индии (*Ptol. Geogr. VI, 18, 5*) и счел, что вторая часть названия ud- отражает др. инд. udán «вода» (первую часть названия Ἐργουδα он затруднился объяснить). Наконец, название порта или бухты, расположенного к востоку от Харакса-Ай Тодора, Λαγύρα может, по нашему мнению, восходить к др. инд. laghú «легкий, быстрый» + -га «обладающий, способствующий»; в целом возможное значение названия бухты связано с понятием «легкой» воды – «сообщающая быстроту, легкость» ходу корабля³⁶. О. Н. Трубачев [1999, с. 252] сблизил это название с др. инд. Lahur (Лахор на пакистанско-индийском пограничье).

Из списка Плиния нам осталось объяснить два – **33. Assyrani**, **34. Stactari**. Название Assyrani продолжает таврскую индоарийскую топонимику: возможно, к др. инд. āśú или āśva- «конь» + -га «обладающий» + суф. -an, т. е. поселение с конями; роль в таврской топонимии уделено место корове (№ 29 – Постигия), свою значимость имели и кони. Для Stactari в литературе предлагалось сопоставление с городом Σατάρχη, тоже упомянутого Птолемеем (*Geogr. III, 6, 5*). Поскольку и Stactari Плиния и Σατάρχη Птолемея одинаково значатся в числе городов внутренней Тавриды, и поскольку никто более их не упоминает, вполне вероятно, что это одно название, так что Stactari слегка подпорченный рукописной традицией топоним Σατάρχη. Если это так, название индоарийского происхождения³⁷. Имя города Σατάρχη образовано от этнонима сатархов – Σατάρχα. Историк I в. до н. э. из Гераклеи Понтийской Домиций Калликрат (*apud St. Byz., s. n. Τάφρα*) и поэт I в. н. э. Валерий Флакк (*Arg. VI, 144-145*) уравнивают сатархов и тафриев, что апробировано и наукой [Ельницкий, 1961, с. 175]. После рассказа о тафриях Калликрат добавил: «эту область заселили саторхеи»; Флакк говорит об их тождестве косвенно. Также географы локализуют сатархов там же, где и тафриев. На наш взгляд, возможно объяснение этнонима Σατάρχα как др. инд. *sandih-arvāk- (sandih «вал, насыпь», arvāk «вперед, сюда»³⁸) «расположенный по эту сторону вала», что по существу равнозначно имени Τάφριος³⁹. Геродоту (*IV, 28*) тоже известны «скифы, обитающие по эту сторону вала» (οἱ ἐντὸς τὰφρου Σκύθαι

³⁶ По А. К. Шапошникову [2007, с. 60-61], Λαγύρα из индоевроп. *laku- «озеро, стоячая вода, лужа» и суффикса избытка *-ig-. Эта порочная методика возведения какого-либо названия прямо к индоевропейской основе, к сожалению, слишком часто у него, см. об этом выше, раздел I. Для подобной связи должно быть выдвинуто обоснование, например, наличие данной индоевропейской основы в названиях того же региона.

³⁷ Далее вкратце излагаем свое объяснение имени сатархов, подробнее см. [Скифия, с. 114].

³⁸ Как местное наречие arvāk подразумевает пояснение *находящийся, расположенный, ср. arvācīna* «обращенный к, расположенный по эту сторону, близлежащий».

³⁹ Др. инд. сочетание nd, nt может передаваться по-гречески одной зубной, отсюда варианты написания индийских названий Πίτυνδρα – Πιτούρα, Σαγώνδα – Σαγώδα и пр. В древнеиндийском существовали формы с утраченным назальным в группах -nt-, -nd- и пр., так называемые корневые варианты (см. [Скифия, с. 51]: pathí-, path-, pánthā-).

ἡ Κερκίτις. Альтернатию *a-e* в этих формах продолжают монеты Керкинитиды IV–III вв. до н. э. с легендами ΚΑΡΚ, ΚΕΡΚ. Упомянутая группа названий весьма древняя, на что указывает фиксация имени города Κερκίτις уже Гекатеем (у *St. Byz., s.n.*; *Herod.* IV, 55; 99). По мнению А. А. Белецкого [1968, с. 203], имя города произошло от названия залива Κερκίτις, но скорее, полагаем, от названия реки, так как это обычный способ номинации поселений. Локализуется город у современной Евпатории, несмотря на иные версии [Кутайсов, 2016, с. 18]. Литературы о происхождении названий города много [Дашевская, 1970, с. 121–128; Народы нашей страны, 1982, с. 289–290; Кутайсов, 1990, с. 146–147; Столба, 1990, с. 146–147; Зубарев, 2005, с. 195–200]. Если не считать экзотики, то преобладают объяснения из греческого: от слова κερκίος «рак» [Pape, Benseler, 1884, S. 624] или от личного имени ойкиста Κερκίος [Дашевская, 1970, с. 125]. Однако производных отсюда греческих топонимов нет (есть лишь антропонимы), так что отсутствие аналогов таврическим названиям в Греции само по себе указывает на их негреческое происхождение. Ряд сходных с Κερκίτις названий известен в античном мире: остров в ливийском Сирте и озеро в Македонии Κερκίτις, остров у того же Сирта Κέρκινα, крепость в Фессалии Κερκίειον, горная цепь в Македонии Κέρκινη [Pape, Benseler, 1884, S. 649]. Размах ареала этих названий от Крыма до Ливии может указывать на средиземноморский их характер. При этом названия в Фессалии и Македонии иллирийского происхождения и восходят к индоевр. *perkwos «дуб» [Гиндин, 1981, с. 86]. Настораживает, однако, что перечисленные аналоги не дают вариантов с корневым *-a-* (т. е. нет альтернатиции *a-e*), так что связь имен *-a-* огласовки с *perkwos проблематична⁴³. Еще одно направление поисков источника таврических названий могут давать балтийские параллели, как и в случае с находившейся тогда неподалеку рекой Пантикап [Скифия, с. 59]. Керкиниту-Каркиниту могут соответствовать балтийские гидронимы Karķen, Karķsee в бассейне реки Наровы, латыш. Karķens, Karķeni, Ķerķeni, Ķerķini и указывать тем самым на принадлежность названия Каркинит фрако-балтийскому населению Нижнего Поднепровья⁴⁴. Принимая во внимание группу индоарийских топонимов в смежном Юго-Западном Крыму, можно соотнести имя Каркинит также с др. инд. kṛkaḥ- «глотка» > «устье, залив», *kṛkaṇ- в названии селения на Тузле Κοροκόνδα = «селение при горловине, проливе»⁴⁵.

язык, но оснований для этого нет, и странно, что в Синдике у них второй язык таврский, а не синдский, так как обычно пришельцы воспринимают местный язык. Это означает близость таврского и синдского языков. Сообщение Псевдо-Арриана относится к III–VI вв. н. э.

⁴³ Поначалу и мы связывали имя реки Κερκίτις с иллир. *kerka- < индоевроп. *perkwa- «дуб» [Яйленко, 1984, с. 58], но свидетельств о произрастании в Западном Крыму дуба нет (он хорошо произрастал в горном Крыму, согласно средневековым источникам), так что напрасно эту тему развил А. К. Шапошников [2007, с. 56].

⁴⁴ См. о нем [ФДТ, с. 536–540]. Это фракийское население, язык которого отличался большей близостью к балтийскому языку сравнительно с балканской Фракией.

⁴⁵ [Трубачев, 1999, с. 248–250]. Разницу в огласовках Κερκίτις – Κερκίτις и Κερκίτις – Κοροκόνδα можно объяснять по-разному. К примеру, мену *a-e* в первой паре встречаем также в формах

современной Евпатории-Керкинитиды, поэтому отсюда следует, что Каркинит – второе название реки Гипакир, идентифицируемой с совр. Каланчаком [Скифия, с. 56] (и атрибуция Гипакира дискуссионна). Видно, Каркин не соответствует Керкинитиде в Западном Крыму, так что не случайно на картах, составленных в XV–XVII вв. по «Географии» Птолемея, Каркина локализуется на нижнем течении Гипакириса, который помещается примерно на месте современного Каланчака (рис. 1-3).

39–40. Калос лимен (Прекрасная гавань), город, залив. Обычно Καλὸς λιμήν локализируют у поселка Черноморское, где открыто поселение, основанное в IV в. до н.э. (см. о нем и его некрополе [Кутайсов, 2011; Калос Лимен, 2012]). Прекрасную гавань упоминают несколько античных авторов; ученые давно обратили внимание на противоречивость их сведений [Зубарев, 2005, с. 190–195]. Приведем эти известия. По Арриану (Per. 30), «от Херсонеса до Керкинитиды 600 стадий, и от Керкинитиды до Прекрасной гавани, также скифской, еще 700». У Псевдо-Арриана (Per. 82) эта информация дополнена: вдоль береговой линии Таврики от Афинеона до Прекрасной гавани 2600 стадий; это значит, что Прекрасная гавань – крайний пункт на западе Крыма в обход по морю. И в § 83 сказано: «скифская Прекрасная гавань в Херсонесской земле», но далее следует неоднозначная информация: «За Прекрасной гаванью начинается залив, называемый Каркинтским, он простирается до Тамирака, длина его 2250 стадий» по объезду, а по устью всего 300 стадий. Это означает, что один из двух пунктов плавания, Тамирака и Прекрасная гавань, находятся на разных берегах залива; если Тамирака Бакальский мыс (№ 44-45), то Прекрасная гавань лежит на материке, вне Крыма. Так у Птолемея (Geogr. III, 5, 2), у которого ее окружение – Мисарис, Кефалонес (это все Джарылгач, № 49, 51), Тамирака, устье реки Каркинит; стало быть, по морскому пути с запада (от Джарылгача) на восток до устья р. Каркинит лежат поочередно Прекрасная гавань и Тамирака; если последняя Бакальский мыс, Гавань помещается не на Крымском побережье, а на материке; именно тут, между нынешними Скадовском и Каланчаком, помещают ее «птолемеевские» и прочие карты да портоланы XV–XVII вв. (рис. 1-3: Bonus portus). Наконец, у Мелы (II, 3) Calos limen не гавань, а залив в контексте общего описания Крыма: «сторону, обращенную к Болоту (Меотиде), занимают сатархи, со стороны Боспора лежат киммерийские города Мирмекий, Пантикапей, Феодосия, Гермисий, со стороны Евксинского Понта живут таврики. Выше них залив (sinus) с удобными гаванями, называемый поэтому Прекрасной гаванью (Calos limen), ограничивается двумя мысами: один из них, прямо противоположный упомянутому нами Карамбийскому в Азии, зовут Бараньим лбом (Cρίσητορον), другой Парфением. Вблизи лежит город Херсонес» (пер. SC 2, p. 120).

На удивление, в античном мире была еще всего одна гавань по имени Καλὸς λιμήν – на границе Киликии и Памфилии при крепости и горе Κορακίσιον [Pape, Benseker, 1884, S. 607-608, 694]. Наличие такой же пары в Таврике – мыс Коракс и Калос лимен – вряд ли случаен, тем более что киликийский Коракесий – предгорье огромного горного массива Тавр. В Киликии и Пафлагонии можно подобрать и другие соот-

шественник восточной части нынешнего Джарылгачского залива и Перекопского. Рассмотрим этот вопрос.

Сначала констатируем очевидную порчу текста Плиния и в имени реки Гипакир (у него *Rasuris*), и в явно ошибочной подмене его Гипанисом; зная тщательность Плиния, можно думать, что искажение текста первоисточника обязано скорее всего переписчикам. Вместе с тем у нас нет оснований подвергать сомнению все его сведения об озере Бук, – что оно соединено с Черным морем⁴⁶ посредством рва и что «Гипанис <читай Гипакир> течет по землям номадов и гилеев в Бук через искусственное русло, а через естественное в Корет». Это та информация первоисточника, которую опустил Мела, больше того, она позволяет догадаться, почему в тексте Плиния на месте Гипакира появился Гипанис. Можно предположить существование малой реки (назовем ее Малым Гипанисом), соименной Большому Гипанису (Бугу), приняв за нее нижнее течение Гипакира-Каланчака плюс канал – «искусственное русло» Плиния (его справедливо отождествляют со рвом, вырытым детьми «слепых» из рассказа Геродота (IV, 1-4) о возвращении скифов домой из дальнего похода (см. № 60 и [Скифия, с. 155-156]). Сообщение Плиния о впадении (Малого) Гипаниса «в Бук через искусственное русло (*luit manu facto alveo*), а через естественное (*naturali*) в Корет» означает, что ров-канал соединил воды Сиваша с водой нижнего течения Гипакира-Каланчака⁴⁷. Таким образом, Малый Гипанис по каналу втекал в Сиваш, *resp.* в Азовское море (потому-то Плиний и счел его заливом Меотиды), а «по естественному руслу», т. е. по Каланчаку, впадал в Черное море, сиречь в Корет (Плиний: «а через естественное в Корет»). Этот ров был в античное время преобразован в полноценный канал – *σοῦδα*, как назвал его пользовавшийся не дошедшим до нас античным источником Константин Багрянородный (*De adm.* 42, 78-86): «Самый же залив Меотиды тянется прямо к Некропилам, находящимся недалеко от реки Днепр, мили на 4 (ок. 6 км), и сливается с ними там, где древние, прорыв канал, проходили в море» (см. полный текст об этом канале ниже, № 42–45).

Итак, Корет – северная часть Каркинитского залива, включая предшественника нынешнего Перекопского залива (тут была суша, см. № 42–45). Ввиду этого понимаем выражение *ipse Vuces a Coreto Maeotis lacus sinu petroso* иначе, грамматически тоже вполне оправданно – принимаем значение предлога *a* с аблативом

⁴⁶ Тут у Плиния *in mare* означает «в (Черное) море», так как Меотида именуется *lacus* «озеро», как и Бук.

⁴⁷ К нашему Малому Гипанису относится аналогичное указание писателя конца II–I вв. до н. э. Александра Полигистора (*apud St. Byz. s. n.* Ὑπανις = SC 1, p. 268): «разделяясь надвое, Гипанис втекает одной частью в Меотийское озеро, другою в Понт». Обычно это свидетельство относят к Гипанису-Кубани, что безосновательно, ибо античные авторы обычно пишут о впадении этой реки в Меотиду и Боспорский пролив, но не в Понт, см. о двух рукавах Гипаниса-Кубани *Scymnus*, vv. 865 sq. (здесь Кубань названа Танаисом). Керченский пролив не считается Понтом, он был устьем Меотиды (*Scholia in Aesch. Prom.* 730) [Скифия, с. 37-38]. В краткой заметке Стефана о Гипанисе смешаны три соименные реки – Гипанис-Буг, Гипанис-Кубань и наш Малый Гипанис. Как сказано, о смешении античными авторами Гипаниса (Буга) с Гипанисом на Азиатском Боспоре упоминал сам Плиний (IV, 83).

озера», тогда как «истоки озера» в таком контексте понятны – и сейчас истоками северо-восточной части Каркинитского залива являются тамошние реки Чатырлык, Воронцовка, Самарчик и пр. Таким образом, λίμνη οὐ μεγάλη «внутри Тамираки» – это одно озеро, а τὰς ἀκροῦς τῆς λίμνης «истоки» другого «озера», и от Тамираки до небольшого озера при сем мысе до этого другого озера 300 стадий⁴⁹. И Страбон и Плиний пишут об этой северо-восточной части Каркинитского залива. Страбон (VII, 3, 19): за мысом Тамирака «находится громадный Каркинитский залив, поднимающийся к северу примерно на тысячу стадий, иные же сообщают, что до самой удаленной его части (τοῦ μυχῶ) втрое больше». Значение слова μυχός «внутренняя или удаленная, задняя часть» чего-либо⁵⁰; поскольку говорится о еще большем расстоянии, чем 1000 стадий, понятно, что тут μυχός имеет значение «самая удаленная часть» Каркинитского залива⁵¹. Латинский аналог гр. μυχός в географическом смысле – слово recessus «впадина», как раз его и находим у Плиния (IV, 84): «Черное море подходит большой впадиной (mare subit magno recessu), так что отстоит от Меотиды лишь на 5 тыс. шагов... Сей залив именуется Каркинит».

Итак, античной географии известна «самая удаленная часть» Каркинитского залива (μυχός Страбона), она же recessus «впадина» сего залива у Плиния. Имя этой части – Корет – мы выявили в том же § IV, 84 «Естественной истории» Плиния. Она представляет собой треугольник между Бакальской косой, восточным мысом Джарылгача и Перекопским заливом включительно.

О. Н. Трубочев [1999, с. 250], отталкиваясь от известия Плиния о течении Гипаниса («течет в Бук через искусственное русло, а через естественное в Корет»), понял название Coretus в качестве индоарийского *kr̥ta- «сделанный, рукотворный» (др. инд. kr̥ta- «сделанный»), т. е. Коретом именовался канал. Это натяжка, так как Плиний ясно пишет, что Гипанис (в действительности Гипакир) течет в Корет естественным руслом (fluit manu factu alveo in Bucen, naturali in Coretum). В вопросе о происхождении имени Корет, на наш взгляд, надо отталкиваться от топонимических реалий: в античном мире известны всего два Корета – наряду с рассмотренным это еще название горы в средней Италии Κόρητος [Dion. Hal. I, 14, 2; Pape, Benseler, 1884, S. 696]

⁴⁹ При стадии в 159 м от Тамираки до «устьев озера» 48 км, что приводит от Бакальской косы к устью Чатырлыка; при стадии в 197 м будет 59 км, что приводит к северному углу Перекопского залива. Без сомнения, тут имеется в виду «Страбонов» (на самом деле Эратосфенов) стадий в 157-158 м, так как выше Чатырлыкского лимана залегают крупные соляные озера, отсюда шла соль в греческий мир, за нею и плыли сюда корабли. Те, кто задействован в межполисной торговле, плыли обычно от Херсонеса до Тамираки-Бакальской косы, где поворачивали на запад и шли вдоль Ахиллодрома на Ольвию.

⁵⁰ Например, Thuc. VII, 72: ἐν τῷ κοιλῷ μυχῷ τοῦ λιμένος «в самой глубокой внутренней части залива (гавани)»; Arist. Mir. 836a24: μυχός τοῦ Ἀδριῶν «внутренняя, удаленная часть Адриатического моря». Слово μυχός употреблялось в топонимике: наиболее удаленная часть Коринфского залива в Фокиде называлась Μυχός (Strabo, IX, 2, 25; 3, 13).

⁵¹ Поэтому не вполне точен перевод С. В. Мирошниковой (SC 1, p. 122): «до внутреннего угла залива расстояние втрое больше». Чуть лучше у Г. А. Стратановского: «расстояние до самой впадины залива втрое больше».

Боспорские исследования, вып. XXXV

По Страбону (VII, 3, 19), Тамиракский залив тот же, что и Каркинитский; в Перипле Евксинского Понта (*Ps. -Arr. Per.* 83-84) Тамирака – залив, местность и мыс напротив Ахиллодрома. Таким образом, Тамиракой назывались равно город, мыс и залив, т. е. это большая приморская область, та же, что земли вокруг Каркинитского залива. Есть три способа объяснения топонима Ταμυράκη. Во-первых, возможно сопоставление с именем горного массива в Феспротии близ Додоны Τόμαρος (источники [Pape, Benseler, 1884, S. 1540]), иллирийским по происхождению. Соответственно, и другое имя того же залива Καρκινίτης, как сказано (см. № 35), может быть иллирийским. Однако такому решению противоречит то обстоятельство, что иллирийский ареал Северного Причерноморья находится довольно далеко – в междуречье Днестра и Южного Буга, но восточнее Нижнего Побужья [ФДТ, с. 532-536]. Во-вторых, учитывая прибрежную реку Ταμύρας между Сидоном и Бейрутом, а также прибрежный город на Евбее близ Эретрии Ταμόνας (источники [Pape, Benseler, 1884, S. 1483]; о чередовании суффиксов *r-n* в догреческой топонимике [Откупщиков, 1988, с. 111-112]), можно думать о средиземноморском происхождении этой группы имен. Слабое место варианта – небольшое число названий. В-третьих, возможно объяснение из индоарийского, и оно, как покажем, наиболее обоснованно.

По Птоlemeю, устье реки Βάρις в Индии лежит в области Λιτυρίκη, название которой находит соответствие нашему Ταμυράκη, на что обратил внимание О.Н. Трубачев [1999, с. 152-153, 281]. Географически наша область Тамирака как залив, местность, мыс, город территориально соответствует Лимирике, приморской области Юго-Западной Индии. Важна форма названия индийской Лимирики с начальным *d*, которую дают Певтингерова таблица (sect. XII) и Равеннский аноним (p. 14 Par. – Pin.): Scythia Dumigice, так как она позволяет объединить формы Ταμυράκη и Λιτυρίκη посредством свойственного древнеиндийской фонетике соответствия церебрального ведического *!* и собственно санскритского церебрального *d*, как, например, в названии индийской реки Σίλας у Гелланика, Диодора, Страбона = Sides у Плиния, Исидора (при индийских литературных формах Śilā и Sīdā [Таронян, 2007, с. 574])⁵⁵.

Исходя из этих сведений, можно заключить, что Тамирака не мыс Ахиллодрома (хотя на то указывают слова «от (ἀπό) мыса Тамираки тянется (παρίκει) Ахиллов бег»), так как говорить о достойном внимания озере там, на намывном Джарылгаче, не было оснований. Причина перемещения Псевдо-Аррианом Тамираки на восточную оконечность Ахиллодрома кроется в следующем. Арриан (*Per.* 31) дал более полную информацию: от Калос лимена до Тамираки 300 стадиев, от Тамираки до истоков дальней части Каркинитского залива (= μυρός Страбона, см. выше, № 41) еще 300, отсюда до Эионов (Ахиллодрома, см. № 50) 380 стадиев. Таким образом, у Арриана нет указания на прямое плавание от Тамираки до восточного мыса Ахиллодрома. Псевдо-Арриан же принял за это расстояние те 300 стадий Арриана, которые приходятся на плавание от Тамираки до оставшихся непонятными Псевдо-Арриану τὰς ἀκροῦς τῆς λίμνης «истоков озера» (толкование этого текста мы дали выше, под № 41). Иную интерпретацию данных Псевдо-Арриана «Перипла», но без разбора греческого текста, см. [Агбунов, 1987, с. 119-120; 1992, с. 199-202].

⁵⁵ В ведийском языке церебральных не было в начале слова, лишь интервокальные *d*, *dh* давали *!*, *!*h, однако позднее они стали проникать и на начальную позицию. Первая фиксация названия Ταμυράκη Страбоном (VII, 3, 19) не указывает на появление его около рубежа эр, так как индоарийская пара

Локализация группы объектов Северо-Западного Крыма – Тамирака-мыс, Тамирака-город, река Каркинит, город Каркина – затруднительна, так как показания античных авторов противоречивы⁶⁰. Главный вопрос – что представляют собой Геродотовы реки Каркинит и Гипакир, от этого во многом зависит локализация городов Каркина, Керкнитиды, мыса и города Тамирака. Как сказано, по Птолемию, Тамирака лежит между Прекрасной гаванью и устьем реки Каркинит; что этот город реальность, показывает этникон его жителя Ταμρακηνός, сохраненный Стефаном Византийским (s. n. = SC 1, p. 266), ибо не бывает этникона без города. Однако у Птолема локализация нередко обманчива, поскольку географическая последовательность перечисляемых пунктов часто нарушена. Обычно мыс Тамирака и город на нем отождествляются с Бакальской косой, что нам представляется более всего соответствующим данным Страбона (VII, 3, 19) и «Перипла» Арриана (§ 30). Обоснование такой локализации дал М. В. Агбунов [1987, с. 119-120]. Вместе с тем градусные данные Птолема локализуют Тамираку не на таврическом побережье, а на материке, в глубине Каркинитского залива; именно тут, между нынешними Скадовском и Каланчаком, помещают ее не только «птолемеевы» средневековые карты (рис. 1), но и карты да портоланы XVI-XVII вв. (рис. 2-3).

Впоследствии М. В. Агбунов [1992, с. 199-202] изменил мнение и поддался указанию Псевдо-Аррианова «Перипла», что Тамирака – восточный мыс Ахиллова бега, т. е. оконечность Джарылгачской косы; он связал это с подъемом уровня моря и дал реконструкцию здешней геоморфологической ситуации: сначала возник остров Тамирака, затем Кефалонес и Спадуса⁶¹. Однако отметим по этому поводу, что мера подъема уровня моря тут неопределенна, так как колебалась во времени, отсюда и

реки Λίμνος (Λίμνός) и производные от него наименование города Λίμνα и личные имена (источники [Pape, Benseker, 1884, S. 806]). При аналогиях в Северном Причерноморье и Индии этот гидроним следует связывать с киммерийцами-индоариями, так как они пребывали и в Северном Причерноморье, и в Малой Азии, где оставили топонимические следы своего пребывания (средневековые армянские историки называют соседнюю Каппадокию Киммерией), также антропонимические (Киммериец и под. в Эфесе, Гераклее и др.). Письменных известий о киммерийцах в Ликии нет, но они были в соседних областях – Лидии и Фригии, Мисии, Вифинии (*Arriani Byth. Fr. 19 Roos*), мариандинском Понте (*Scholia in Ap. Rhod. Arg. I, 1126*), Синопе (*Herod. IV, 12*), Трапезунте (*Xen. An. IV, 8, 22-23*) [*Lehmann-Haupt, 1921, Sp. 412-420; Kretschmer, 1928, S. 80 f.*]. Мы видим в киммерийцах индоариев [Скифия, с. 127-152]. Важно в свете сказанного, что наряду с Λίμνος существует форма Λάμνος, с *a*-вариантом, как в Ταμρακηνός, и что в той же Ликии есть река Инд и город Синд (В. Георгиев [1958, с. 171-172] без оснований связал эти названия с местным термилским-милиийским языком, так как апеллировал к индоевр. *sindhu-s, выстроенному на др. инд. sindhu-ḥ !). Следы пребывания киммерийцев в Малой Азии – тема отдельной разработки.

⁶⁰ По Геродоту (IV, 55), Гипакирис течет по земле кочевых скифов «и впадает в море близ города Керкнитиды, оставляя справа Гилею и так называемый Ахиллов бег». У него Гипакирис шестая из семи крупнейших рек Скифии, она следует после Борисфена и Пантикапа. Если с Пантикапом благодаря Б.А. Рыбакову мы разобрались – это Конка, то ничего равноценного Гипакирису восточнее Конки сейчас нет, что мы и объясним далее.

⁶¹ На локализацию М. В. Агбуновым Тамираки на оконечности Джарылгача наряду с ошибочными, как мы видели, данными Псевдо-Аррианова «Перипла» скорее всего повлиял и неточный перевод С. В. Мирош-

лив», о чем свидетельствует Константин Багрянородный в рассказе о древнем канале на Перекопе и Перекопском заливе⁶². Этот канал был прорыт по Геродотову рву детей «слепых» и, по нашему мнению, шел от озера Бук (Сиваш) к нижнему течению Гипакира-Каланчака (см. № 41 и [Скифия, с. 155-156]). Как сказано (№ 41), этот ров был еще в античное время преобразован в полноценный канал – σοῦδα, как назвал его пользовавшийся каким-то не дошедшим до нас античным источником Константин Багрянородный (De adm. 42, 78-86): «Самый же залив Меотиды тянется прямо к Некропилам, находящимся недалеко от реки Днепр, мили на 4 (ок. 6 км), и сливается с ними там, где древние, прорыв канал, проходили в море, отгородив таким образом находящуюся внутри всю землю Херсона и Климатов и землю Боспора, простирающуюся миль на тысячу или несколько больше. Из-за множества истекших лет этот канал засыпался и превратился в густой лес, и имеются через него лишь два пути, по которым пачинакиты проходят к Херсону, Боспору и Климатам» [Конст. Багр. 1989, с. 174-175, с нашими изменениями]⁶³. Поясним ситуацию. В выражении «прокопав канал, древние пересекали море» (σοῦδαν οἱ παλαιοὶ ποιήσαμενοι διέβασαν τὴν θάλασσαν) под «морем» (θάλασσαν) подразумевается Черное море, так что выражение διέβασαν τὴν θάλασσαν означает, что древние проплывали из залива Азовского моря в Черное по каналу; с его прорытием Таврика как бы отделилась от материка. Слово διάβασις имеет значение «переход», часто обозначает переправу через водную акваторию – реку и пр. По Константину, канал был судоходен в античное время, но затем зарос и перестал функционировать; мы вряд ли ошибемся, связав это с сильным обмелением Сиваша и Перекопского залива. Тогда и появилось название канала τὰ Νεκρόπυλα «Мертвый пролив». На картах и портоланах XVI-XVII вв. уже весь Каркинитский залив именуется Golfo de Nigropoli, т. е. Некропильский залив, из-за упомянутых обширнейших мелей.

С названием канала τὰ Νεκρόπυλα связано и турецкое имя Перекопского перешейка *Оркапу* (*ор* «ров», *капу* «ворота, проход»), которое возникло после возведения Турецкого вала⁶⁴. Оно любопытно: что это за «Ворота рва»? Без сомнения, это частичная турецкая калька сего византийского названия, которое может быть понято не только как «Мертвый пролив» (см. выше), но и как «Мертвые врата (входы, проходы)», т. е. его τὰ πύλα «врата; входы, проходы» скалькировано турецким *капу* «ворота, проход». Вероятно, такое изменение значения имени τὰ Νεκρόπυλα обязано реалиям: видимо, когда канал был судоходным, это название понималось как «Мертвый пролив», когда он вовсе обмелел, оно стало восприниматься «Мертвыми вратами (входами, проходами)».

Изложенное означает, что в эллинистическое или римское время канал, соеди-

⁶² Слово πύλαι применительно к большим акваториям означает «пролив» (например, *Aesch. Prom. 755; LSJ, s. v. πύλη, 3*); *pl. neutr. πύλα* имеет здесь собирательный смысл.

⁶³ Пачинакиты – это печенегы, два пути прохода в Крым – Перекопский перешеек и Чонгар.

⁶⁴ [Дмитров, 1940, с. 61, 103; Никонов, 1966, с. 326]. Наименование «Перекоп» – русское переосмысление названия Оркапу по созвучию.

мена Страбона (VII, 19) или его источника разделение полуострова (*χερρόνησος*) на две части – узкую полосу Тендры и пошире, до 40 стадий (ок. 6, 4 км), Джарылгач. О культе Ахилла на Ахиллодроме см. [Скржинская, 2004; Русяева, 2006]. Эпитеты богов, связанные со словом *δρόμος* «бег, состязание в беге, место состязания», крайне редки, насколько мне известно, их два и оба у дорян: Гера *Πρόδρομος* «Указующая путь, Предшествующая» (*Paus.* II, 11, 2, ср. 6, 7) и Гермес *Δρόμος*, покровитель состязаний в беге на Крите (LSJ, s. n.). По этим причинам появление культа Ахилла у ольвийских ионян на острове, получившем название *Ἀχιλλεῖος δρόμος*, не мотивировано греческими сакральными реалиями. В связи с этим мы обратили внимание на почитание Ахилла как змея на Бейкушском святилище, совершенно не известном в Греции. Странно и отмеченное А. С. Русяевой отсутствие культовых статуэток Ахилла в Ольвии и на хоре. Эти особенности означают, что нижнебужский культ Ахилла не греческий, а местный, воспринятый греками. По нашему мнению, это был туземный индоарийский культ Змея Валы, имя которого *ʾAhi Valá* греки по созвучию контаминировали с именем своего *Ἀχιλλεύς* а. Ахиллодром ассоциируется с Элизиумом, *Μακάρων νῆσος* «островом счастливых (блаженных)», на котором царствует Ахилл, в связи с чем мы обратили внимание на др. инд. *áya*, у которого два значения – «счастье, счастливая судьба» и «бег» [Скифия, с. 78–107]. Эти данные в числе прочего вполне проясняют непонятное иначе появление топонима *Ἀχιλλεῖος δρόμος* в Нижнем Побужье⁶⁶. Объяснение через индоарийский тем более аутентично, что, по указанию Евстафия (Comm. in *Dion.* Per. 306), на Ахиллодроме обитали тавры, которые, как показано выше (раздел IV), индоарии (по И. В. Бруяко [2015, с. 223 сл.], таврская керамика есть и в Нижнем Побужье). Ахиллодром упоминают Геродот (IV, 55, 76), Псевдо-Скимн (ст. 820, см. ниже, № 51), Страбон ((VII, 3, 19, см. ниже, № 51) и др.⁶⁷

48. Священный мыс (Гиерон), 49. Мисарис. Западный мыс Ахиллодрома именовался *Ἱερὸν ἄκρον* «Священный мыс» (Ptol. Geogr. III, 5, 2). Название обязано размещению тут святилища Ахилла⁶⁸. Остатки приношений в него эллинистического и римского времени найдены в основном еще в 1824 г. [Тункина, 2002, с. 452 сл.]. Тут же Птолемей дает название и восточного мыса – *Μισαρίς*, *Μυσαρίς* ἄκρα. Его связывают с гр. *μυσαρός* «грязный» [Pape, Benseler, 1884, S. 932], но это проблематично,

⁶⁶ Наивны догадки древних о смысле названия: 1) тут де бежал Ахилл, преследуя Ифигению; приведший это мнение Евстафий (Comm. in *Dion.* Per. 306) упомянул и версию Ликофрона; 2) Ахилл долго пребывал здесь; 3) Ахилл устроил тут игры по случаю своей победы (Mela, II, 5) или просто занимался спортом (*Ann. Marc.* XXII, 8, 41). Наивно и бытующее в литературе предположение, что длинная и узкая полоса Тендры-Джарылгача напоминала греческие стадионы и потому названа Ахиллодром (на самом деле стадионы для бега широки, как в Дельфах); у Мелы и Плиния (IV, 83) сравнение точнее – с мечом.

⁶⁷ А. Н. Щеглов [1972] попытался отождествить упомянутые Полибием Стефы с Тендрой, что справедливо раскритиковал М. В. Агбунов [1985, с. 43–50].

⁶⁸ Исходя из своих представлений о расстояниях по градусным данным Птолемея, В. Г. Зубарев [2005, с. 189] локализовал мыс Гиерон на Одесской банке, а перешеек Ахиллодрома – на западной оконеч-

Есть Эион и на Азиатском Боспоре – это общее наименование Таманского и Фонталовского полуостровов sg. Eon, известно только Плинию (VI, 18) = Ἴών, сокращенная аттическая форма (полная Ἴών). Так назывались также город в устье Стримона и еще один город на Пелопоннесе [Pape, Benseker, 1884, S. 454]. Как сказано, автор Псевдо-Арриана «Перипла» охарактеризовал Ахиллов бег как «длинное и узкое побережье», что отвечает смыслу слова Ἴών и соответствующему топониму. Такая характеристика свойственна и физиографии морского побережья Тамани да Фонтала. Как есть узкая перемычка между Тендрой и Джарылгачем, так и, по Плинию, минимальная ширина Эона 2 югера (5, 38 м²), – это размеры какого-то песчаного перешейка Тамани в районе Тузлы или Голубицкой, заливавшегося морем.

Итак, наши источники II-I вв. до н. э. – I в. н. э. (Дионисий Ольвийский, Псевдо-Скимн, Страбон) наделяют Ахиллодром такими же физиографическими чертами, которые свойственны и ныне Тендре да Джарылгачу. Однако это не свидетельствует, что уровень воды в Каркинитском заливе (см. об этом № 35) две тысячи лет оставался неизменным: как мы выяснили, географическое название Ахиллодрома Κεφαλόννησος означает «насыпной остров» (№ 51). В 1981 и 1883 гг. при Тендре на глубине 2 м найдены фрагменты амфор эллинистического времени [Тункина, 2002, с. 453-454], что указывает на подъем уровня моря тогда или позднее. Кстати, эти подводные работы проводились в связи с образованием промоины в Тендре. Живописное описание едва ли не ежегодной перемены физиографического облика Тендры-Джарылгача дал А. С. Уваров [Ib., с. 471-472]: «Ахиллесово ристалище, состоящее из трех частей, Джарылгачской косы и островов Каравая⁷¹ и Тендры, почти постоянно изменяется. Иные годы Тендра, Каравай и Джарылгачская коса соединяются в одну и ту же косу; гирлы <протоки>, разделяющие их, совершенно заносятся песком. В другие годы, напротив того, Тендра отделяется одним или несколькими гирлами от материка. Во время моего пребывания надо было переехать четыре гирла, чтобы добраться до Тендровского острова или косы. До самой западной оконечности, на которой теперь стоит маяк, не встречается ни одного дерева. Тут только возвышается несколько деревьев, последние остатки священной рощи». Сейчас наибольшая глубина Каркинитского залива у Крымского побережья – 10 м. При подъеме уровня моря в I-II тыс. н. э. примерно на 7 м это означает, что во времена Геродота тут была суша, по ней и могло доходить коренное русло Гипакириса до г. Керкинитиды, как полагают некоторые исследователи (см. также реконструкцию И. В. Бруяко, В. А. Карпова [1992, с. 94]).

51. Кефалонес, 52. Спадуса, 53. Макра. Вопрос об этих островах не прост. Плиний (IV, 93) в описании острова Ахилла спутал о-в Левку и Тендру (это вполне разъяснил М. В. Агбунов [1992, с. 193–197]), затем добавил: «Остальные (reliquae)

дрии, он мифограф, автор «Аргонавтики», герои которой действовали и в Северном Причерноморье [Скифия, с. 35-36, 152-154].

⁷¹ См. о Караваяе следующее примечание.

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

острова в Каркинитском заливе *Sephalonnesos, Spodusa, Macra*» (SC 2, p. 175). Это латинская транслитерация греческих топонимов *Κεφαλόνησος, Σποδοῦσα, Μάκρα*. Присутствует Кефалонес и в перечне Птолемея (Geogr. III, 5, 2): устье реки Борисфен; устье реки Гипанис; Роща Гекаты, мыс; перешеек Ахиллова бега; западный мыс Ахиллова бега, называемый Священным; восточный его мыс, именуемый Мисарис; Кефалонес; Калос лимен; Тамирака; устье реки Каркинит. Как видно, у Птолемея упомянуты западный, восточный мыс Ахиллова бега и перешеек между ними, но самого Бега нет, так что вполне вероятно, что он назван Кефалонесом. На это указывает и перечень Аммиана Марцеллина: (XXII, 8, 40): в лесистых пределах реки Борисфен расположены город Борисфен (Ольвия), Кефалонес, алтари Александра и Цезаря. Эти алтари располагались в Гилее [Скифия, с. 235-236], так что Кефалонес лежит поблизости; припомнив данные Арриана, что Ахиллов бег – это Кинбурнская, Тендровская и Джарылгачская косы (см. № 46), получим имя Бега *Κεφαλόνησος*; поскольку Аммиан располагает Кефалонес «в лесистых пределах реки Борисфен», это именно Кинбурнская коса⁷². Следовательно, можно думать, что Кефалонес, Сподуса, Макра – названия разных частей Ахиллова бега (аналог – Эионы, № 50); при сохранении очередности соответственно Кинбурнской, Тендровской и Джарылгачской кос. Слово *κεφαλή* в физиографическом смысле имеет значение «насыпь, вал», что соответствует реалиям: Тендра и Джарылгач – насыпные, т. е. намытые морской водой и ветром песчаные косы. Таким образом, значение названия *Κεφαλόνησος* «насыпной остров».

Острова Сподуса и Макра известны лишь Плинию, имена их греческие и потому более или менее понятны. Название *Σποδοῦσα* аналогий в греческой топонимике не имеет, но, без сомнения, образовано от глагола *σποδέω* «обращать в прах, разбивать, перемалывать» с суффиксом -οσ(σ)-а и слиянием ε+ο > ου, так что означает что-то вроде «перемалываемого водой» острова, что вполне соответствует намывной природе сих песчаных кос. Напротив, название *Μάκρα* часто в греческой топонимике

---

⁷² Таким образом, упомянутые Страбоном (VII, 4, 1) «три островка» в Каркинитском заливе – нечто иное, типа нескольких мелких намывных островков, располагающихся ныне напротив устья р. Каланчак (это остаток большого в средневековье острова Rosso (рис. 2-3), его тюркское имя Каробай. Ахиллов бег Страбон описал в предыдущем параграфе (VII, 3, 19). К. Мюллер в комментарии к тексту Птолемея счел Кефалонесом Каробай [Müller, 1901, p. 414], что, как видим, ошибочная идентификация. Согласно М. В. Агбунову [1992, с. 200-201], Кефалонес – восточная оконечность Джарылгача, примерно так думал и В. Г. Зубарев [2005, с. 189], полагая, что Кефалонес располагался на месте нынешнего Джарылгача: в середине V в. до н. э. тут был устьевой мыс Каланчака (реконструкция И.В. Бруйко, В.А. Карпова [1992, с. 94]). И Агбунов и Зубарев пользовались переводом градусных данных Птолемея в километры, что условно ввиду использования им разных источников, каждый из которых со своей мерой стадия; Птолемей располагал очень небольшим числом инструментальных измерений небесных координат на конкретных пунктах Северного Причерноморья, обычно он переводил в долготы-широты, взятые из периплов, и перизгес расстояния в стадиях, милях и шагах; отсюда проистекает их неточность, отсюда и субъективность трактовки методики Птолемея каждым исследователем, разность локализации ими конкретных объектов. По этой причине мы не придаем особого значения координатам Птолемея, а руководствуемся текстуальным анализом источников.

[Pape, Benseler, 1884, S. 845-846] восходит к слову μακρός «длина» [LSJ, s. v.], связанному с прилагательным жен. рода μακρά «большая, длинная», и потому прилагательное к большим и (или) длинным природным объектам (например, это одно из имен острова Евбея). Как видно, и со стороны содержания название острова Μάκρα соответствует длинным Тендре (Сподуса) да Джарылгачу (Макра)⁷³.

54. Евпаторий, крепость, город. Согласно Страбону (VII, 4, 7), ведший войны с крымскими скифами полководец Митридата Евпатора Диофант выстроил крепость Εὐπατορίου (*Ptol.* III, 6, 2: Εὐπατορία πόλις). В херсонесском декрете в честь Диофанта говорится, что из Херсонеса полководец «перешел со всем войском на другую сторону» (εἰς τὸ πέραν διάβα[σι]ν ἐποιήσατο), разбил скифов царя Палака и поставил на месте битвы трофей в честь Митридата (IOSPE I² 352, стк. 6-9). Выражение εἰς τὸ πέραν означает «на другую сторону» чего-либо, например, реки, оно весьма употребительно; например, в Протогеновском декрете из Ольвии оно означает переход царя Сайтафарна с правобережья Днепра в ольвийскую область Гилею на левой стороне (IOSPE I² 32, стк. 83-84). Слово διάβασις имеет значение «переход» по суше или означает переправу через водную акваторию. Таким образом, на пути из Херсонеса Диофант переправился по воде через какой-то близлежащий залив, либо же посуху или по воде в какую-либо отдаленную область Западного Крыма. Обратим внимание на следующую фразу декрета (стк. 9-10): после этой победы над скифами Диофант разбил затем тавров и на месте боя основал город (πόλιν ἐπὶ τοῦ τόπου συνοικίξας), лучше сказать, крепость. Это дает основание думать, что и на месте первой победы над скифами полководец мог основать крепость, именно Евпаторий. Об этом может свидетельствовать воздвижение Диофантом на месте победы над скифами трофея «царя Митридата Евпатора», тем более, что сия победа была весьма значима: в декрете отмечено по этому поводу, что доньше скифы считались непобедимыми (аллюзия на поражение Зопириона от скифов) и Митридат первый поставил этой победой трофей над ними (стк. 9). Сооружение города и наречение его в честь Евпатора не было единичной акцией: сам Митридат, выстроив город в долине Фанарее в области Понт, дал и ему свое имя – Εὐπατορία (*Strabo*, XII, 3, 30).

Наряду со Страбоном Евпаторий упоминают Птолемей (III, 6, 2) и Аммиан Марцеллин (XXII, 8, 36). Птолемеев перечень городов Западного Крыма: «За перешейком у реки Каркинит в Понте: Евпатория город, Дандака» (далее перечисляются 11 пунктов вблизи г. Херсонеса и на Боспоре, см. ниже); пару Евпатория – Дандака упомянул и Аммиан, явно позаимствовавший ее у Птолемея. Локализация Евпатория определяется данными Страбона и Птолемея. Обычно Евпаторий помещали близ города Херсонеса [IOSPE I² 352, *comm.*; Жебелев, 1953, с. 95], но Д. С. Раевский [1968,

⁷³ М. В. Агбунов [1992, с. 200], сочтя Тамираку восточным мысом Джарылгача (см. № 42–45), сопоставил названия следующим образом: Та-ми-рака – М-акра, увидев в -акра последнего и -рака первого испорченное гр. *акра*, т. е. мыс. Это всего лишь шутка, Миша греческого языка не знал и об ономастике понятия не имел, немалые заслуги его сосредоточены в другой области – исторической географии.

VI. Степной Крым, Перекоп, Сиваш

55. Неаполь Скифский, 56. Палакий, 57. Хабеи (Хабон). По Страбону (VII, 4, 7), царь таврических скифов Скилур и его сыновья построили крепости Παλάκιον, Χάβον, Νεάπολις, которые были их опорными пунктами в войне с полководцами Митридата Евпатора. У Скилура был сын по имени Πάλακος (Strabo, VII, 3, 17), поэтому можно считать, что Палак выстроил крепость своего имени – Παλάκιον (так думали все, кто обращался к этому вопросу, напр., [Соломоник, 1952, с. 123]). Это в обыкновении у царей: Александр Македонский строил Александрии, Антиохи сооружали Антиохии, Митридат Евпатор Евпатории и пр.⁷⁷ В херсонесском декрете в честь Диофанта (IOSPE I² 352, стк. 12-13) говорится: когда Диофант прошел в середине Скифии (εἰς μέσαν τὰν Σκυθίαν), скифы сдали ему «царские крепости Хабеи и Неаполь» (τὰ βασιλεία Χαβαίου καὶ Νεάν πόλιν). Локализация всех трех крепостей проблематична, предлагались разные решения [Дашевская, 1958; Раевский, 1976; Высотская, 1983; Зубарев, 2005, с. 231–233]. Обычно городище Керменчик в пределах г. Симферополя считают Неаполем. Что это был столичный город скифов, свидетельствуют его уникальные размеры (ок. 20 га), богатая материальная культура [Зайцев, 2003] и обнаружение здесь греческих надписей, в том числе четырех Посидея, сына Посидея (еще одна найдена в Ольвии [IOSPE I² 168, 670–672; Дашевская, 1960; Соломоник, 1958; 1962]). Этот родосско-ольвийский торговец как раз был современником Скилура и Палака, их гостеприимцем (В. В. Латышев справедливо датировал его надписи второй половиной II в. до н. э.). Ввиду сильной эллинизации Керменчика логично думать, что и имя его Νεάπολις «Новый город» было скалькировано греками со скифского названия типа иран. *navakand того же значения. На других скифских поселениях столь ощутимой эллинизации нет, поэтому вряд ли основательны сомнения Д. С. Раевского [1976, с. 104], что Керменчик – это Неаполь. По Т. Н. Высотской, Палакий идентифицируется с Усть-Альминским городищем, Д. С. Раевский отождествил Керменчик с Палакием, Булганакское городище с Хабеями, Кермен-Кыр с Неаполем; В. Г. Зубарев совместил Хабеи с городищем Альма-Кермен. Мы же лишь отметим, что, помимо Керменчика, известны еще 4 крупных скифских городища с фортификацией – Булганак, Усть-Альминское (по 6 га), Залесье (5 га), Красное (4 га) [Дашевская, 1989, с. 128]. Видимо, два из них и были Палакий да Хабеи (повторим, Неаполь – Керменчик).

⁷⁷ В опубликованной Э. И. Соломоник [1964, с. 96] эпитафии из Херсонеса II-I вв. до н. э. читается одна строка: [-- τε]θναότα Παλακίδον π[--]. Она дополнила π[ερί--] и перевела: эпитафия «такого-то, погибшего около Палакия--». Перевод не вполне точен: Παλακικός как прилагательное означает нечто, относящееся к царю Πάλακος или крепости Παλάκιον. По этой причине и поскольку мы знаем из приведенных сообщений Страбона и Диофантова декрета о войнах херсонеситов и Диофанта со скифами, причем Палакий и прочие крепости были построены ими как раз для противостояния полководцам Митридата, а также принимая во внимание дату эпитафии, предпочитаем дополнение π[όλεμον--?]: эпитафия «такого-то, погибшего в Палакову войну (?)--».

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

Структура названия крепости Παλάκιον ясная: из личного имени Πάλακος (основа *παλακ*) + греческий суффикс *-(ε)ιον*, употребляющийся для обозначения построек (как в № 54 – Εὐπυλάτιον). Этимология названий Палакий и Хабеи определяется тем обстоятельством, что в ономастике крымских скифов прослеживаются индоарийские и иранские элементы, т. е. они индоарийские и (или) иранские по происхождению. В политическом смысле крымские скифы – наследники Геродотовых царских скифов, в именнике которых есть несколько определенно иранских личных имен. Возможно, также иранское имя позднескифского царя Φαρζοιος, которое сопоставимо со среднеиранским именем *Peroz*, в свою очередь восходящим к др. иран. *Pairisat-* (< **pari-aŋah-* «полнота силы; победоносный» [Грантовский, 1970, с. 201–203]); мы видим в Φαρζοιος гипокористик от формы Φάρζιρις, которая, согласно Страбону (XVI, 4, 27), представляет собой вариант греческой передачи персидского имени Παρύσατις (см. об имени Φάρζιρις [Яйленко, 2010, с. 336–339], о прежних иранских этимологиях имени [Zgusta, 1955, S. 206]). Это может указывать на иранский компонент в ономастике и соответственно языке поздних крымских скифов.

На индоарийский компонент могут указывать царское имя Πάλακος и произведенное от него название крепости Παλάκιον. Иранисты не дали хорошей их этимологии. М. Фасмер поместил имя Πάλακος в число ирано-сарматских и указал на связь с ним названия крепости Палакий; поскольку следующим в его списке имен и названий следует этноним скифского народа Πάλοι, возможно, тем самым разъяснялось иранское происхождение имени Палака, ибо этноним палов он поставил в возможную связь с др. инд. *rāla-* «защитник», афган. *rālal* «доказывать, защищать» [Vasmer, 1923, S. 47], что весьма проблематично⁷⁸. Предлагалась реконструкция имени **Rāla-* < **Rāda-*, при авест. и древнеперс. *rad-*, *rād-* «нога», значение имени «Ногастый, (Длинно)ногий» (ср. авестийский эпитет бога Вайю «Высоконогий») [Кулланда, 2016, с. 79-80]. Отсутствие подобного имени в обширном иранском антропонимиконе, да и его экзотичный смысл не убеждают в такой этимологии. О.Н. Трубочев [1999, с. 34-35, 258] отметил необъяснимость имен Πάλοι, Πάλακος на иранском материале и привел точный древнеиндийский аналог – имя нескольких царевичей *Rāla-* (к *rāla-* «защитник, покровитель», «принц, правитель, государь»). Мы поддержали эту точку зрения засвидетельствованным фанагорийской

---

⁷⁸ На иранском характере имени Палак настаивал Д. С. Раевский [1976, с. 105] и тоже исходя из переданной Диодором (II, 43) скифской генеалогической легенды: в числе потомков Скифа, сына Зевса и змееногой Девы, были братья Пал и Нап, по именам которых стали называться подвластные им народы – Πάλοι и Νάπαι. На основании развитой Ж. Дюмезилем теории тройного членения индоиранского общества (воины, жрецы, общинники) Раевский связал имя Νάπαι с авест. *nāpa*, среднеперс. *nāp* «пу-повина», также «сородичи, община»; поскольку на связь этнонима Πάλοι с осет. *bal-* «дружина, отряд» давно указал В. И. Абаев [1949, с. 160; 1979, с. 284], получается двучленная кастовая система – палы «дружинники, воины», напы «общинники». Следовательно, заключил Раевский, Παλάκιον – «крепость воинов». Д. С. Раевский историк, он был хорошим знатоком скифских реалий, но иранской филологии не знал, что сказалось и на данной этимологии: иран. *f* не передавалось через греч. *p*, лишь через *f*, *b*,

эпитафией III в. н. э. именем Πάλος, которое на Боспоре определено скифское, так как идентично упомянутому эпониму скифов Πάλος [Яйленко, 2002, с. 236-237; 2017, с. 869-870]. Основа имени Πάλ-ος имеет соответствие, наряду с именем скифского царя Πάλ-ακος, в составных именах Ὀαρς-βαλ-ακος (КБН 1264, Танаис, II в. н. э.), Ὀυαρς-βαλ-ος (IOSPE I² 91, Ольвия, II-III вв. н. э.), Ὀυαστο-βαλ-ος (КБН 1282, Танаис, 228 г. н. э.). Они определены иранские, так как хорошо соотносятся при учете значения первой основы с осет. bal- «дружина, отряд» [Абаев, 1949, с. 160; Zgusta, 1955, S. 123, 126, 127]. Но, как видно, в чистом виде имени Πάλος в иранском эпиграфическом антропонимиконе Северного Причерноморья нет, есть лишь в легендарной традиции, сохраненной Диодором, иранский характер которой не доказан. Поэтому считаем имя Πάλος местным, синдским, памятуя, что Фанагория расположена в земле синдов, и принимая во внимание индоарийскую принадлежность их языка⁷⁹. В свете этого сопоставляем имя Πάλος с др. инд. pāla- «страж, защитник, пастух, покровитель, правитель». В Фанагории индоиранские элементы представлены с довольно раннего времени – именем Патика в эпитафии начала IV в. до н. э. (о ней [Белова, 1977, с. 105]), сопоставимым с др. инд. patika «господин, повелитель, муж», по смыслу равнозначным имени Πάλος⁸⁰.

Продолжая индоарийскую линию у поздних крымских скифов, О. Н. Трубачев [1999, с. 239] усмотрел и в названии крепости Χαβαί, Χαβον индоар. *hava- «жертва, жертвенник» (к др. инд. hava- «жертва, огонь»), сославшись на топоним Александровы алтари в Северном Причерноморье. Нам же это название представляется скорее среднеиранским, типа парфянского имени селения hmpu, ṽmpī = hampraу или hambāу, из др. иран. *hamprāу- «защищающий всех» (о нем [Лившиц, 2010, с. 186]), что более соответствует функции Хабей как крепости⁸¹.

58. Напис, Напит. Стефан Византийский упомянул «Напис или Напит, город Скифии» (s. n. Νάλις; Νάλις ἢ Ναλίτης). Этникон жителя Ναλάτης, Ναλίται, также Ναλάται (Orph. Argonaut. 758) [Pape, Benseler, 1884, S. 974-975]. М. Фасмер зачислил топоним Νάλις в список сарматских названий, ограничившись ссылкой

так что среднеиранское парф. nāf, среднеперс. n'p (nāf), к которым он апеллировал, было бы передано как vaφ- или vaβ-; именно так по греческой передаче Ναβαρζάνης (Diod. XVII, 74) реконструируется древнеиранское имя *Nabābrzāna, включающее указанное nāfa (см., к примеру, [Лившиц, 2010, с. 117]).

⁷⁹ О синдах как индоариях см. [Kretschmer, 1944; Трубачев, 1999, с. 15 сл., 93 сл.; Скифия, с. 47-49]. Древнеиндийскому pāla- родственно упомянутое осет. bal- [Абаев, 1958, с. 233; Myrhofer, 1960, S. 416 f.].

⁸⁰ Есть так называемая научная мифология. Ничего постыдного в ней нет – это естественное развитие науки per aspera ad astra, чрез тернии поисков к истине. Мы все отдаем ей дань. Таковая мифология племени палов, потомков Пала (Diod. II, 3-4). Плиний (VI, 22 и 50) упоминает сатархов-спалеев, затем палов и напов, вследствие чего специалисты уравнивают палов и спалеев. Так вот, от имени этих спалеев всерьез производят русское церковнославянское слово *исполин* [Фасмер, 1967, с. 141]! Неисповедимы пути этимологических поисков. Понятно, когда имя киммерийцев или авар оставило следы в разных языках и фольклоре, став обозначением великана, но спалеи едва ли не изобретение источника Плиния, единожды упомянутый ономастический Kunststück!

⁸¹ Упрощение двух губных или сонорного перед губным обычно, ср. последовательное опущение

название местности *Τάφρη* и ее обитателей *Τάφριοι*. Далее перешеек и местность Тафры упоминают Мела (II, 2), Плиний (IV, 88), оба по Тимонакту, и позднейшие авторы – Маркиан, Валерий Флакк. Название представляет собой гр. *τάφρος* «ров, вал» (одно вытекает из другого: копаются ров и тем самым насыпается вал), так что изначально *Τάφραι* – это ров, по которому получили имя перешеек и местность, по ним город. Согласно Страбону (I. с.), тафрии обретают при Каркинитском заливе, еще точнее, их локализует Плиний (IV, 85-86): он говорит о местности Тафры (*locus Taphrae*) и о городе Тафры (*oppidum Taphrae*), расположенном «на самом перешейке полуострова» Тавриды, т. е. на Перекопе. Отсюда единственно правильна идентификация Тафр с Перекопом, тем более что и Мела (II, 4), говоря о таврическом перешейке, называет его *Taphrae*⁸⁴.

Под влиянием рассказа Геродота (IV, 1–4) о рве, выкопанном рабами, детьми жен царских скифов, исследователи сосредоточили свое внимание на валах Восточного Крыма [Народы нашей страны, 1982, с. 204-205; Масленников, 2003, с. 197 сл.]⁸⁵. Между тем валы эти относятся к позднему времени [Масленников, 2003, с. 203 сл.], и местоположение их не соответствует не только указанию Плиния, но даже Геродота, так как, строго говоря, Азовское море имеет наибольшую ширину отнюдь не в Восточном Крыму, а при перешейке Перекоп. Единственное реальное зерно в рассказе Геродота – известие о войне пришлых царских скифов с туземным населением, все остальное фольклор, поэтому в вопросе о Тафрах должно следовать указаниям географов – это Перекоп⁸⁶. На самом Перекопе нет явно древних насыпных валов,

⁸⁴ Так правильно сочли [Brandis, 1899, Sp. 2256; Скржинская, 1977, с. 23; Вдовиченко, Колтухов, 1986, с. 148]. Ввиду определенных данных Плиния и Мелы другие отождествления (о них [Народы, 1982, с. 204-205; Зубарев, 2005, с. 271-272]) ошибочны.

⁸⁵ *Herod.* IV, 3: «И вот дети, родившиеся от этих-то рабов и их (т. е. царских скифов) жен, достигли юношеского возраста. Узнав об обстоятельствах своего рождения, они задумали воспротивиться тем (скифам), кто возвращался из страны мидийцев. И прежде всего они отрезали страну, вырыв широкий ров, растянувшийся от Таврских гор до Меотийского озера, в том именно месте, где оно шире всего» (пер. И.А. Шишовой [Народы нашей страны, 1982, с. 99]). Вариант историка Каллистрата (*apud Steph. Byz., s. n. Τάφραι*): «Местность при Меотийском озере, которую укрепили рвом рабы, вступившие в связь со своими господами во время длительной войны их господ-скифов с фракийцами или иными по эту сторону Истра».

⁸⁶ Вообще рассказ Галикарнасса о детях, прижитых женами царских скифов от рабов и их сражении с возвратившимися из долгого похода мужьями, чисто фольклорный по характеру, на что указывает, в частности, анекдотическая концовка: не сумев победить рабов оружием, скифы привели их к покорности плетками. Несомненно, это байка (баять, как сказал бы Велемир Хлебников), ходившая в роду владык царских скифов, так как все сведения о них Геродот получил от Тимна, служившего при царе Ариапифе. Известие Геродота о местоположении рва – он растянулся от Таврских гор до места наибольшей ширины Меотийского озера – противоречиво: при Перекопе Меотида действительно имеет наибольшую ширину (включая озеро Сиваш), но нет вала, идущего от Сиваша до гор Юго-Западного Крыма (валы Восточного Крыма близки к восточным отрогам Крымских гор, но наибольшая протяженность Азовского моря отнюдь не тут). И в другом месте Геродот (IV, 20), говоря о границах земли царских скифов, указал, что на юге она доходит до Таврики, на востоке – до рва, вырытого детьми «слепых», и до Кремн. Он упоминает вал и в рассказе о зимних перекочевках скифов, живущих «внутри вала» (IV, 28), через пролив в Синдику; в данном случае это скифы степного Крыма.

65–67. Бук, озеро (Сиваш), река, город. Бук и Тафры (см. № 60-62) впервые появляются у Мелы и Плиния. У Мелы (II, 2) река Бук служит географическим репером для локализации агафирсов: «Её (Меотиды) изгиб пересекает река Бук, обходят агафирсы и савроматы». Здесь изгиб Меотиды, пересекаемый рекой Бук – озеро Сиваш с впадавшей в него в древности рекой Молочной-Буком (*Plin. N. h. IV, 84; Ptol. Geogr. III, 5, 3-4*). Плиний (IV, 88 = SC 2, p. 173): «От Тафр в глубь материка обитают авхеты, у которых начинается Гипанис, невры, у которых *начинается* Борисфен, гелоны, фиссагеты, будины, базилиды и темноволосые агафирсы. Над этими – номады, затем антропофаги, от Бука же над Меотидой *живут* савроматы и исседоны». Здесь в геро-дотовско-эфоровскую в целом картину размещения перечисленных народов для их локализации впервые вводятся в качестве географического репера Тафры (Перекоп) и Бук (Сиваш и река Молочная). Сюда же примыкают пассажи Плиния (IV, 84) и Мелы (II, 4), аналогичные по содержанию и потому выписанные из одного и того же источника.⁹⁰ Судя по содержанию всех приведенных фрагментов, этот анонимный источник вобрал в себя геро-дотовскую традицию о составе народов Скифии и новые представления об их локализации, впервые представленные у Гиппократом и Эфора, а также неизвестные этим предшественникам детали этногеографии Скифии, в том числе Бук и Тафры. По нашему мнению, этот источник – Тимонакт, живший во второй половине IV или в III в. до н. э. автор сочинения о Скифии (подробности [Скифия, с. 183–186]). Таким образом, река и озеро Бук известны с раннеэллинистического времени, далее их упоминают помимо Мелы и Плиния лишь позднейшие авторы – Птолемей, Маркиан, Валерий Флакк.

Название озера и реки Βύκη не просто объяснить ввиду его краткости и по причине отсутствия обычных для Северного Причерноморья балканско-эгейско-малоазийских параллелей⁹¹. Точным соответствием предстают литовские гидронимы Βύκα,

---

ние Южного Буга впадают речки с характерными именами, указывающими на испорченность вод, в том числе Гнилой Еланец; в этом же бассейне верхнее течение Синюхи называется Гнилой Тикич. Еланец – уменьшительное к *елань*, что применительно к водным объектам означает «речку со ржавчиной», так что тюрк. Еланец – это «Ржавчатая» речка».

⁹⁰ *Mela*, II, 4: «Затем море подходит к берегу и до расстояния 5000 шагов от Меотиды, постоянно следуя за удаляющимися берегами, придает вид почти острова местности, занятой сатархами и тавриками. Местность между Болотом и заливом называется Тафры, а залив Каркинитским. При нем лежит город Каркина, омываемый двумя реками Герром и Гипакармом, которые вливаются одним устьем, но вытекают из разных источников и в разных местах: Герр течет между базилидами и номадами, а Гипакар по земле номадов». *Plin. IV, 84*: «Море выдвигается большим заливом так, что от Меотиды отстоит всего на 5000 шагов, и омывает обширные пространства и земли многих народов. Этот залив называется Каркинитским. Здесь же река Пакирис, города Навар и Каркина. Само озеро Бук скалистым хребтом отделяется от Корета, залива Меотийского озера. Оно принимает реки Бук, Герр и Гипанис, текущие с разных сторон; именно Герр отделяет базилидов от номадов, а Гипанис течет через земли номадов...» (SC 2, p. 120, 173). См. об интерпретации этого текста выше, № 41.

⁹¹ Есть варианты: рукопись Птолемея дает форму Βύκη (дат. падеж), у Плиния (IV, 84) *Buges*, но они не колеблют каноническую форму Βύκη, так как пользовавшийся раннеэллинистическим источником (Тимонактом) Мела (II, 2) тоже дает ее – *Buces*.

«Боспор – город Понта у Киммерийского залива, по свидетельству Филона, и пролив того же имени». Эрудит II в. н. э. Авл Геллий (Noct. Atticae, XVII, 8, 16 = SC 2, p. 265) цитирует своего современника, неоплатоника Кальвизия Тавра, который неточно пересказывает слова Геродота (IV, 12; 28; см. выше) и приписывает ему «Боспорское море, которое называется «Киммерийским»» (mare Bosporicum, quod “Cimmerium” appellatur). На первый взгляд, это не географический топоним Cimmerium mare, а вольность пересказа. Однако историк V в. н. э. Орозий (Hist. I, 36; 48) в географических описаниях дважды упоминает Меотийские болота и Киммерийское море. Ситуацию разъясняет автор «Землеописания» V в. Юлий Гонорий в перечне морей Северного океана (A, 28 = SC 2, p. 442): «море Меотида, море Босфор, море Киммерийское (Cimmerium mare, № 74), море Понт, море Босфор Фракийский». Это означает, что в позднеантичной географии выделялась в самостоятельную номенклатуру северо-восточная часть Черного моря; это аналог Киммерийского залива (№ 73). У пролива Боспор было и другое имя – «Узкое море» (№ 74a): в комментарии к выражению стт. 1286-1287 поэмы Ликофрона «Кассандра» κακόξεϊνος κλύδων «негостеприимная пучина» близ земли меотов и у реки Танаис (очевидная парафраза имени Черного моря Ἰαξείνος πόντος «негостеприимное море») Иоанн Цец пояснил, что это Στενὸν πέλαγος «Узкое море» [ВДИ, 1947. 3, с. 269]. Таким образом, контекст Ликофрона и Цеца показывает, что «Узкое море» – это Боспорский пролив с прилегающими акваториями Черного моря и Меотиды.

По Страбону (VII, 4, 3), в стране тавров есть гора Трапезунт (см. ниже, № 92) и рядом Киммерийская гора (Κιμμερίων ὄρος, № 75). Город Κιμμερίκος (№ 76) упомянут Псевдо-Аррианом (Per. 76) между Китеем и Казекой. Локализуется у прибрежной горы Опук. Раскопки [Завойкин, 2013, с. 131 сл.]⁹³. О названии восточной оконечности Керченского п-ва Киммерийский мыс см. № 80.

Эсхилу (Prom. vinc. 755-756) известен Киммерийский перешеек (ισθμός Κιμμερίκος, № 69), это Перекопский перешеек, он же Τάφρα (№ 60). Дословно Τάφρα – рвы; где рвы, там и валы, поэтому идентифицируем Геродотовы Киммерийские стены с этими валами, хотя в литературе принято отождествлять их с Асандровым валом и другими, которые отгораживали Керченский п-ов от степняков. Наши аргументы: в «Одиссее» (XI, 14) упомянуты «народ и страна киммерийцев», анализ этого и других известий показал, что частью этой страны были позднейшие Тафры-Перекоп [Скифия, с. 11-32]. Строительство укреплений велось здесь в древнее, средневековое и новое время (см. № 60-62).

Упомянутая «киммерийская» топонимика носит коммеморативный характер (потому и заключаем ее в кавычки). Киммерийцы населяли Северное Причерноморье, в т. ч. Крым, с XIII-XII вв. до н. э., что определяется началом сабастиновской культуры в Северо-Западном Причерноморье; она – восточный анклав культур гальштаттского типа, носителями их были в числе прочих этносов также фракийцы и индоарии

⁹³ См. также подборку текстов [Тохтасьев, 1984].

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

[Скифия, с. 138–144]. В VII в. до н. э. скифы вытеснили киммерийцев-индоариев из Северного Причерноморья. Но часть их осталась в Таврике, и этот остаток был в основном загнан в горы, где известен под именем тавров (таврская кызыл-кобинская культура родственна сабастиновской). Наличие Киммерийской горы (№ 75) в стране тавров поддерживает нашу трактовку тавров в качестве остаточной отрасли киммерийцев. В среде новых обитателей Крыма VII-VI вв. скифов и греков естественным образом утвердилась связь крупных природных объектов с прежними насельниками страны. При этом важно подчеркнуть, что они переняли страну непосредственно у киммерийцев, по причине чего упомянутые «киммерийские» топонимы порождены не мифологическим воссозданием древности, а сами являются свидетелями недавней и современной местной истории, именно VII-VI вв. до н. э.

Подобного рода мемориальные названия были и в средневековой Таврике и тоже обусловлены вполне историческими визитами киевских варягов. На картах XVI-XVII вв. (рис. 2, 3) перед Каланчакским лиманом показан остров *Rossa*, п-ов *Тарханкут* несет имя *Rossofag* («Перевоз, переправа росссов», к гот. *farjan*, др. норвеж. *ferja*, швед. *färja* «перевоз, переправа»), этническое содержание которых отсылает нас к русско-греческому договору 945 г. и дополнительно растолковывается названием селения на севере *Россофара Varangito* (это гр. *Βαράγγιτος «Варяжское»). Все это топонимические следы торговой деятельности тут киевских росссов-варягов; разумеется, топонимы оставили не они сами, а местное население, у которого эти купцы-разбойники оставили по себе впечатляющую память⁹⁴.

Показательно распределение перечисленных выше «киммерийских» топонимов: два на Перекопе (№ 69, 70), один в горном Крыму (№ 75), одно – общее обозначение Тавриды (№ 68), шесть в Восточном Крыму (№ 71–74, 76). Если учесть еще город Киммерий и Киммерийский мыс на Азиатском Боспоре (*Ptol. Geogr. V, 8, 5*), то этноним киммерийцев прочно внедрился именно в топонимику Боспора. Трудно сказать, связано ли это с наибольшей обжитостью Керченского п-ва в античное время, по причине чего тут больше предантичных топонимических рецептов, то ли реально киммерийцы хорошо освоили Боспор. Еще одна особенность «киммерийских» топонимов состоит в том, что все они, исключая название страны (Киммерия), сосредото-

---

⁹⁴ Русско-греческий договор 945 г., который был возобновлением договора 911 г., наряду с официалами Киевской Руси, почти сплошь норманами, подписали и «купец (= купцы) Адунь, Адулбь, Игтивлад, Олебь, Фрутань» и другие носители варяжских имен. В том же договоре, в разделе «А о Корсунстей стране» русам воспрещается воевать в Крыму (Корсуни); ежели наткнутся в устье Днепра на херсонских рыбаков, не трогать; нельзя русам зимовать там, на Белобережье (до Кинбурна), «ни у святого Ельферья» (Березань), «но егда придет осень, да идути в дома своя в Русь» [Повесть временных лет, под 945 г.]. Это означает, что киевские купцы-варяги в навигацию вели деятельность в указанных местностях; приведенные топонимы на Тарханкуте указывают, что она простиралась и на Крым, и на лиман Каланчака, где обстряпывались дела с кочевыми печенегами (важнейший товар у крымчан да печенегов рабы). Что до «Варяжского» селения (Варангито), то такое же имя было у острова Хортица на Днепре – «Варяжский остров» (Ипатьевская летопись под 1224 г., также другие летописи).

чены в местах соединения Крыма с соседними регионами. Это может быть обусловлено реальным пребыванием киммерийцев при Перекопе и особенно на Боспоре. При этом «киммерийская» топонимика Боспора достаточно ранняя – «Киммерийский город» известен Гекатею (у Страбона, VII, 3, 6: Κιμμερίδος πόλις). Этому вполне соответствуют упомянутые в «Одиссее» (XI, 14) «народ и город (страна) киммерийцев» (Κιμμερίων ἀνδρῶν δῆμος τε πόλις): Κιμμερίων δῆμος Гомера то же, что χώρα Κιμμερίη Геродота, а Κιμμερίων πόλις «Одиссеи» целиком равнозначен Гекатееву Κιμμερίδος πόλις⁹⁵. Поскольку разумна датировка «Одиссеи» по известным ей географическим реалиям началом Великой греческой колонизации, т. е. VIII веком, то к этому же времени относятся и ее данные о киммерийцах. И поскольку у Гекатея и Геродота это реальные топонимы, то таковыми являются и их аналоги в «Одиссее»⁹⁶. В силу изложенного скептическое отношение к «киммерийской» топонимике Боспора как неисторической (Тохтасьев, Иванчик) безосновательно [Скифия, с. 16–21, 127–135; Яйленко, 2010, с. 414].

Есть и так называемые квази-топонимы – названия, которые фигурируют главным образом в поэтических сочинениях, они не употреблялись в реальной жизни, это плод художественного воображения. Загадочные своей древностью киммерийцы на краю Ойкумены служили благодатным поводом для поэтического вымысла. К примеру, равным образом возникла «амазонская» топонимия: мифы об экзотических женщинах-воительницах породили воображаемые «Амазонскую страну», «Амазонское море», «Амазонскую реку». Таковы следующие «киммерийские» квази-гидронимы в римской поэзии.

77. Киммерийские озера (воды). Альбий Тибулл, поэт времени Августа, в элегии на свою грядущую кончину от старости высказывает пожелание «познать Елисейские поля, и челн Леты, и Киммерийские озера (Cimmerius lacus)» (Eleg. III, 5 = SC 2, р. 38). Это поэтическое наименование вод Леты, связанное с представлениями эллинистического и римского времени о Киммерии как стране загробного мира, полный вымысел, не имеющий никакого отношения к действительности.

78. Киммерийский берег. Овидий сетует в «Письмах с Понта» (IV, 10, 1-2): «Так уж шестой год кукую век на Киммерийском берегу (Cimmerium litus) среди в шкуры одетых гетов». Великий ссыльный поэтически переносит исторические реалии Северного Причерноморья на задунайские Томи, в чем подспудно улавливается предание о киммерийцах на Нижнем Днестре, упомянутое нами выше. Напомним, что Овидий – знаток греческой мифологии и мифологизированной истории, донесший до нас в «Метаморфозах» тему данных такого рода, не сохранных другими античными источниками.

⁹⁵ Гр. δῆμος и πόλις означают совокупно и территорию и ее население.

⁹⁶ Контекст Страбона, в котором он упомянул Гекатеев Κιμμερίδος πόλις, показывает, что это не город Киммерик на Керченском полуострове, а скорее синоним Геродотовой χώρα Κιμμερίη, т. е. обозначение всей земли киммерийцев, либо же наименование Боспора как области – пролива и прилегающих земель.

Коресс, также Смирны; далее, Τραχίς (-ῖνος), Τραχῖνος ὄρος, Τραχύ ὄρος – ближние горы и города в Фессалии, Фокиде, Аркадии, Испании [Pape, Benseker, 1884, S. 1547-1548]. Ученейшие авторы замечательной книги [Народы нашей страны, 1982, с. 138] дали в упомянутом пассаже Геродота чтение К. Худа с прилагательным – χερσονήσου τῆς τρηχέης καλεομένης, но нелогично перевели вслед за В. В. Латышевым [SC 1, р. 40] как топоним: «до полуострова, называемого Скалистым». И «Скалистый» тут неточность, ибо на Керченском полуострове нет скал (*ср.* скалиность горного Юго-Западного Крыма), поэтому следует принять более соответствующее реалиям значение названия χερσόνησος Τρηχέη «Каменистый полуостров» (греч. χερσόνησος жен. рода).

81. Херсонес (Керченский п-ов). В рассказе о вале Асандра (ниже, № 97) Страбон (VII, 4, 6) называет Керченский полуостров Херсонесом (Χερσόνησος): этот вал ограждал Херсонес (т. е. Керченский полуостров) от нападений извне. Как сказано (№ 6), этимологически гр. χέρσος «сухая земля, суша, материк» сопоставляется с др. инд. hársate «стоять торчком, быть вздыбленным», лат. horreo, то же [Chantraine, 1980, р. 1255], и подобный смысл законсервирован в сочетании с νῆσος «остров» в слове χερσόνησος как обозначение вздымающейся, возвышающейся над морем части суши.

82. Киммерийский мыс. Восточная оконечность Керченского п-ва называлась Киммерийским мысом – Κιμμέριον ἄκρον. Согласно «Страбоновой хрестоматии» (XI = SC 1, р. 169), «В древности Киммерийский мыс (τὸ Κιμμέριον ἄκρον) при Меотиде имел большое значение (ἴσχυσε πλεῖστον), так что и Боспор получил по нему название Киммерийский».

Перейдем к исторической топонимике Восточного Крыма античного времени. Результаты своего изучения ее мы недавно опубликовали в статье «Топонимика античного Боспора» (ТАБ), поэтому здесь даем в сокращении лишь то, что относится непосредственно к названиям (со ссылками на их номера там, например: ТАБ, 35), добавляем и новые материалы. В Восточном Крыму хорошо выражены два слоя – греческий и фрако-дакийский, группируем названия по ним, затем даем остальные. В целом тут три десятка названий, из них греческих половина и почти все приморские. По типу греческие названия отражают природные особенности местности и связь с культовыми местами; есть и мемориальные (памятные). Рассмотрим их в таковой последовательности.

83. Акра, деревня, 83а. Портакра, селение. (ТАБ, 35-36). По Страбону (XI, 2, 1), у деревеньки Акры на Евксине начинается пролив Боспор, также Псевдо-Аррианов Перипл (§ 76) называет между Китеем и городом Киммерик Ἰάκρας κομίον «деревеньку Акры». Это *асс. pl.* к *fem.* ἄκρα «вершина, высота», так что именит. падеж названия – Ἰάκρα «Высоты». Локализуется у с. Заветное [Завойкин, 2013, с. 129]. Птолемию (Geogr. III, 6, 5) ведом в числе городов внутренней Таврики город Портάκρα (cod. Ρ Портάκρας, cod. Χ Ποστάκρα), никто более ее не упоминает. Вопрос с Портакрой не прост. Поскольку Птолемию неведома Акра на Черноморском побережье Керченского п-ва (он знает Акру на Меотиде – III, 5, 4), сложилось мнение о тождестве Портакры с Акрой [Зубарев, 2005, с. 244–246, лит.].

87-88. Мирмекий, город, мыс. 89. Гермисий, город. (ТАБ, 52, 53). Название города (τό, ἡ) Μυρμήκιον (варианты у Стефана Византийца Μυρμηκεῖον, Μυρμηκία [Pape, Benseler, 1884, S. 962]) происходит от слова μύρμηξ, но не в значении «муравей» (в смысле город как муравейник – так [Braund, 2015]) и тем более не от антропонима Μύρμηξ, якобы ойкиста, как показалось С. А. Жебелеву [1953, с. 303–307]. Очевидным образом оно связано с физиографическим значением этого слова – «скалы, подводные скалы, рифы морского побережья; песчаные отмели» [Vinogradov, Butyagin, Vachtina, 2003], которое явствует из указаний ряда авторов, упомянувших несколько топонимов Μύρμηξ в Греции (источники [Pape, Benseler, l. c.]). Например, Плиний (V, 29; 31) знает прибрежные скалы Мирмекс у Смирны, Геродот (VII, 183) пишет о подводной скале (τὸ ἔρμα) по имени Мирмекс у фессалийского побережья между Скиафом и Магнесией; Полемону известен город в Троаде Μυρμισσός (apud St. Byz., s. n.). Как раз прибрежные камни, скалы и утесы в море составляют отличительную особенность местоположения боспорского Мирмекия, они и определили его название. Аналогичным образом Мирмексом назывался город на Самофракии (Nonnus, Dion. 13, 397), у высоких обрывистых берегов этого гранитного острова немало указанного рода останцев. Средний род названия города τὸ Μυρμήκιον сам по себе указывает на материально «скальную» природу топонима, произведенного от слова ὁ μύρμηξ, т. е. название города представляет собой диминутивное образование среднего рода (τὸ) *μυρμήκιον от ὁ μύρμηξ. Связь названия Мирмекий с камнями и скалами у его побережья подчеркивается тем обстоятельством, что он стоял на одноименном мысу (Ptol. Geogr. III, 6, 3). Вопросы локализации [Зубарев, 2005, с. 255-256].

Глубинный «каменный» характер имеет и наименование города Ἐρμισίον, которое упоминают только Мела (II, 3) и Плиний (IV, 87), причем Плиний называет его в паре с Мирмекием: на проливе Боспор Киммерийский «лежат города Мирмекий и Гермисий», откуда явствует их территориальная близость. Hermisium Мелы и Плиния – латинская транскрипция греческого Ἐρμισίον, которое, в свою очередь, по мысли авторов изумительного поныне ономастического справочника, образовано от *Ἐρμήσιον [Pape, Benseler, 1884, S. 385]. Это резонно: форма Ἐρμισίον вполне реальна как следствие итацизма, в противном случае трудно объяснить ее соединительное -i-. Образование же формы *Ἐρμήσιον прозрачно: ионийская основа ἐρμη- + -σιον, суффикс существительных и прилагательных, в том числе топонимов. Точно так образовано название храма Гекаты в Эфесе и карийском городе Идриасе Ἐκατή-σιον, причем и в этом случае оно стало также именем города [Ib. S. 339, 535]. Теоним Ἐρμῆς не греческий, так назывались и каменные столбы (они же ἔρμα, ἔρματα) [LSJ, s. n., I, 2; Откупщиков, 1988, с. 158]. Ввиду известной связи Гермеса с культом камней (гермы и пр.) имя его образовано от средиземноморской основы *herm- «камень»; от нее же посредством расширения -t- произведено и ἔρμα «столб, утес», «риф» [Frisk, 1954/65, S. 563-564; Chantraine, 1968, p. 373; Гиндин, 1981, с. 35-36]. «Каменный» характер наименований Мирмекий и Гермисий указывает, что под-

режье Понта, в Аркадии, при Арабском море [Pape, Benseker, 1884, S. 1546-1547], физиографически оно (τράπεζα «стол» + обычный греческий топоформант -ουντ) означает столовую гору. Их много в предгорьях Юго-Западного Крыма, на них расположены городища (Мангуп, Эски-Кермен, Кыз-Кермен, Чуфут-Кале и прочая масса тамошних -Кале да -Кермен). Страбонова гора Трапезунт в земле тавров и есть имя одной из них. На карте из Дуры Трапезунт расположен меж Херсонесом и Феодосией, так что опять-таки принадлежит одной из тамошних столовых гор. Эти плоские останцы меловых гор настолько напоминают стол, что и не одна из них могла именоваться Трапезунтом, т. е. столом (ср. *Strabo*, XVI, 2, 8: «Трапезонт в Коммагене назван так по сходству со столом»). У Иордана и Равеннаты Трапезунт следует после Феодосии, Кареона и Мирмекия, поэтому мог быть именем ближайшей к Феодосии столовой горы¹⁰¹.

93. Кареон, поселение. (ТАБ, 93). Итак, Иордан (§ 32) дал следующий перечень городов: Херсон(ес), Феодосия, Кареон, Мирмекий, Трапезунт. В ряду греческих названий и Сагеон – латинская транскрипция греческого Καρεων. Основа его *кар- «камень, каменистый» (см. № 23) физиографически вполне соответствует Керченскому полуострову, так и называвшемуся – Каменистый полуостров (№ 80). Поскольку античные источники не упоминают Кареон, лишь Иордан и Равеннский аноним, можно счесть сей топоним раннесредневековым. Однако *кар- балканско-эгейско-малоазийская топонимическая основа, лучше сказать, средиземноморская, поэтому должна быть привнесена в Крым греками в античное время. В связи с этим вспомним название поселения Καροία на северном побережье Меотиды (*Ptol. Geogr.* III, 5, 4). По Плинию (VI, 20), низовья Танаиса колонизовали сначала карийцы, затем клазоменцы и меоны, последними – пантикапейцы (ср. [Müller, 1901, p. 418]). Это надумано, и обычно имя Кароя связывают с ионийскими колонистами, которые привнесли сюда имя карийцев (например, по Геродоту, милетяне–карийцы). Таким образом, вместе с греками название с основой *кар- было импортировано из Эгеиды на берега Меотиды, таким должно быть появление и топонима Καρεων на Керченском п-ве. А отсутствие его у античных авторов объяснить просто – это имя мелкого по-

---

отражают реальную традицию, однако счел, что южнопонтский Трапезунт был ошибочно продублирован на Боспор, источником ошибки была какая-то авторитетная римская карта. Это спорное мнение, так как исходит из постулата, что Трапезунта на Боспоре нет по той причине, что о нем не упоминает ни один хорошо информированный источник. Но в нашем списке топонимов Боспора в ТАБ есть те, что упомянуты, так сказать, неавторитетным источником – махлии Элиана и Лукиана, Топсида, Пагра Псевдо-Арриана и пр. Ошибочно его указание [с. 241], что на Певтингеровой карте Трапезунт помещен в Северное Причерноморье, но в окружении южнопонтских топонимов; в действительности упомянутый на сегменте IX 3 Трапезунт далек от Боспора: вдоль побережья указаны Гермонасса, Синдека, ахеи и их город Ахеон, малики (= меланхлены), сваны и за рекой – Трапезунт, помеченный как римская крепость; о боспорском же Трапезунте, как римском укреплении, сведений нет, так что и по данному признаку и по местоположению это южнопонтский Трапезунт.

¹⁰¹ Сам смысл названия противоречит идентификации А. А. Васильевым [Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. Т. 7] Трапезунта с Чатыр-Дагом в Ю-З Крыму, – он отнюдь не столовая гора.

в речи 331 г. до н. э. «Против Леократа» (§ 26): «Поскольку Афине эта земля досталась по жребию, ваши предки назвали отечество по ее имени».

Теперь о трех топонимах мемориального характера – Асандров вал, Савроматион, Зенонов Херсонес (ТАБ, 91–93).

97. Вал Асандра. Страбон (VII, 4, 6) со слов Гипсикрата, историка Митридата Евпатора, сообщает о вале, сооруженном царем Асандром (49–22 гг. до н.э.): Ἰασάνδρου ... ἀποτειχίσαντα τὸν ἰσθμὸν τῆς Χερσονήσου τὸν πρὸς τῇ Μαϊώτιδι «Асандр перегородил стеной перешеек того Херсонеса, что при Меотиде». Это земляной вал, он ограждал Херсонес (т. е. Керченский полуостров, см. № 81) от нападений извне. По Гипсикрату (Страбону), длина его 360 стадий, на каждый стадий приходилось по 10 башен. У Страбона это еще не топоним, но ввиду важности для обороны полуострова стал таковым – Asandi Равеннского анонима (IV, 3). Его следует подправить – Asand(r)i. Это минимальное исправление неточного во многих отношениях источника, тогда как иные толкования (о них [Подосинов, 2002, с. 256]) слишком далеки. Вопросы локализации [Масленников, 2003, с. 11 и др.]. Имя Ἰασάνδρος иранское или индоарийское [Яйленко, 2010, с. 255-256, прим.].

98. Савроматион, крепость. В надписи КБН 970, найденной в Пиалы-Сарае при Узунларском вале, упоминается ? Σαυρ]ομάτειον. По месту находки надписи неплохо идентифицируется с Новониколаевским городищем, это крепость, существовавшая не более нескольких десятилетий [Масленников, 2003, с. 104]. Судя по материалу II-III вв. н. э., крепость выстроена Савроматом II (173–210). Имя Σαυρομάτης происходит от этнонима савроматов-сармат, возможно, индоарийского (ТАБ, 113-114).

99. Зенонов Херсонес, поселение. Это селение на Меотиде упоминает только Птолемей (Geogr. III, 6, 4): Ζήνωνος Χερσονήσος. Локализуется на Азовском побережье Керченского пролива, отождествляется с городищем на мысе Зюк [Масленников, 2007, с. 339]. Вряд ли стоит сомневаться, что эпоним города Зенон – исторический персонаж. В боспорских надписях упоминается ряд соименных лиц (КБН, с. 869), но они мало-значимы. Возможно, это такой же случай, что и Стратоклия (ТАБ, 89): Спартокиды отдали Стратоклу поселение на прокорм и со временем получило его имя.

100. Феодосия, город. (ТАБ, 30). Согласно Арриану (Per. 30), это древняя ионийская апойкия, колония милетян, в его время опустевшая. Название Θεοδοσία фиксируется лишь в первой половине IV в. до н. э. легендами на местных монетах да упоминанием в речи Демосфена против Лептина (XX, 33), сказанной в 355 г., в форме Θεοδοσία, со свойственной ионийско-аттическому диалекту IV-III вв. меной εο – ευ. Значение названия Θεοδοσία прозрачно – «дар бога»: θεός «бог» + δόσις «давание, дар», иначе говоря, «божий дар». Наличие слова «бог» в греческом названии Феодосии отразили аланы в своем наименовании города Ἀρδάβδα «Семибожная».

Легенды на монетах Феодосии IV-III вв. до н. э. несут сокращенные формы названия – ΘΕΟΔΟ, ΘΕΟΔΟΣ, ΘΕΟΔΕΟ, ΘΕΟΔΕΩ. Выказав сомнение в предложенном В. Ф. Столбой и поддержанном С. Р. Тохтасьевым понимании этих легенд в качестве род. падежа имени тирана или ктиста Θεόδης (Θεοδῆς), мы сочли, что эти необычные

бога» редкое и позднее¹⁰⁷. Это означает, что существовавшее уже в IV в. до н. э., а скорее всего с VI в. до н. э., название города Θεοδοσία не связано с этим существительным, а произведено *ad hoc*, конкретно по случаю основания города как его имя. В связи с этим обратим внимание на головы мужских божеств (также Афины), регулярно помещавшиеся на аверсе местных монет IV в. до н. э., из которых одна Геракла (палица на обороте), в других усматривают Аполлона (безбородый) и Ареса (? с бородой). Принимая во внимание, что Феодосию основали милетяне (*Arr. Per.* 30), главное божество которых Аполлон, можно полагать, что Феодосия-Божидар была для колонистов «даром» их бога Аполлона (ср. названия ряда городов Аполлония), также Афины или, может быть, Ареса, Зевса, Посейдона¹⁰⁸. Таким образом, как давно догадались ученые, существует связь имени города, включающего слово «бог», с изображениями голов божеств на его монетах.

Полагаем, почти непреременная протома быка на феодосийских монетах также имеет отношение к его названию, указывая, чем конкретно был этот «дар» богов. Символика протомы быка тут вполне ясна: бык, ταῦρος, указывает на ландшафтную доминанту Феодосии – она лежит у подножия горной цепи Тавр. Но, разумеется, не это «дар» богов, а те природные богатства, которыми наделен город: по Страбону (VII, 4, 4; 6), у Феодосии вместительная гавань, прилегающая местность хлебодарна. Это и мог быть δόσις бога тамошним грекам. Путешественники XVI и XVII вв. отмечали также богатство бухты рыбой, а окрестностей города – разнообразной растительностью, полезными ископаемыми [Петрова, 2000, с. 40–42]. Все это в целом и могло служить основанием для наименования города «Божьим даром», как считал уже П. И. Сумароков. Вспомним и отмеченное Демосфеном да Страбоном обилие хлеба на феодосийской земле, чтобы удостоверять вероятность связи имени города как Божидара с ее природными богатствами¹⁰⁹.

Всему изложенному, однако, противоречит отсутствие других Феодосий в греческой топонимии вообще (кроме мемориально-отыменной во Фригии), тогда как наличие множества городов в обильных природными богатствами местностях предполагает широкое распространение этого имени. Поэтому считаем теперь, что Θεοδοσία – греческая адаптация туземного наименования, по смыслу (калька) или по созвучию.

Сейчас обратимся к фрако-дакийской топонимии Керченского п-ва. Определенно к ней относятся названия городов Тиритака, Кидеака, Тадзос, Казака.

¹⁰⁷ В словаре LSJ приведена лишь одна ссылка – *Strabo*, XVII, 1, 37. Прилагательное θεοδοσιος, от женской формы которого тоже могло быть произведено наименование боспорского города, и того реже – засвидетельствовано лишь Гесихием.

¹⁰⁸ Э. Б. Петрова [2000, с. 53-54] тоже связывала «дар» феодосийцам с Аполлоном, но не времени колонизации, а вследствие завоевания Феодосии Левконом.

¹⁰⁹ В ТАБ, 30 мы рассматриваем также версию Ульпиана, который связал происхождение названия таврического города с именем жены или сестры Левкона I Θεοδοσία; поскольку, как сказано, личные имена Феодосий, Феодосия вошли в употребление со II в. до н. э., но особенно распространены в поздне-римское время, то в IV в. до н. э. город не мог получить название «Феодосия» по женскому имени.

греческую кальку фрако-дакийского топонима, образованную от прилагательного κούδιεις «славный» (с суфф. -(а)ка, как в Καζέκα и других боспорских топонимах). Амбивалентность названий Κόταιον, также этнонимов Σινδοί на Азиатском Боспоре и народа Σιντοί, Σινδοί во Фракии (*Strabo*, VII, fr. 45), которые, с одной стороны, фрако-дакийские, с другой – индоарийские, заключается не в случайном созвучии, а в глубинном фракийском компоненте северочерноморских киммерийцев-индоариев (об этом и подробно о названии Китей [Скифия, с. 40, 129, 138–144; ФДТ, с. 543].

105. Тадзос, город. (ТАБ, 153). Название города Ταζός (*Ptol. Geogr.* III, 6, 5; cod. X Τάζος) соответствует имени города и острова Θάσος у побережья Фракии (альтернатива *t:th* и *z:s* обычна во фрако-дакийской ономастике). Еще один Ταζός Птолемей (*Geogr.* V, 8, 8) упоминает на Азиатском Боспоре к югу от Бат (Новороссийска). Значение неясно.

106. Казека, город. Селение Καζέκα между Феодосией и Пантикапеем упомянуто Псевдо-Арриановым «Периплом» (§ 30). У него «козья» природа – от фрако-дакийского *kaze- (из индоевр. *kag'o- «коза», ср. фрако-дакийские топонимы Cozeilas, Cozeicentus и др., ср. и [Russu, 1969, p. 186]), с суффиксом -ка, как во фрако-дакийских названиях Торόκκα на р. Каркинит [ФДТ, с. 543] и Κυδεάκα(ι), втором имени Китея (№ 104). Таким образом, Καζέκα – «козья» деревня. На Азиатском Боспоре есть еще два фрако-дакийских «козьих» топонима, упомянутых Птолемеем (*Geogr.* V, 8, 26; 28): селение Αζάραβα (возможно, к фрако-дак. *az(a)-, из индоевроп. *ag'- «коза») и деревня Έβριάτα (при фракийской глоссе Гесихия Έβρος : τράγος «козел»), также фрако-дакийское или иранское имя селения в Среднем Поднепровье Αζαγύριον (фрако-дак. или иран. *az(a)- «коза» (ТАБ, 59, 61).

В завершение этого перечня отметим фрако-дакийское происхождение также названия пролива да области Боспор (№ 72, 72a), известного с VI в. (Гекатей). Таково же имя Боспора Фракийского, так что оно а priori фракийское. По В. Георгиеву, Βόσπορος – это *bos-pora «светлая река», вода, пролив (подробности – ТАБ, 4).

Итак, на Керченском п-ве 5 фрако-дакийских топонимов. На Азиатском Боспоре их вместе с этнонимами почти два десятка, это прочная база для выделения таких топонимов также на европейской стороне пролива. Сама численность их указывает, что они туземные (о названии пролива Боспор см. ниже, раздел VIII).

Перейдем к наименованиям разной языковой принадлежности. Два из них средиземноморского происхождения (Тарона, Табана), два, видимо, иллирийского (Боион, Илурат), одно индоарийское (Пантикапей).

107. Табана, город. Мы полагали, что наименование города Τάβανα может отражать др. инд. tāraṇa «солнце», tāraṇa «освежающий; солнце, горение»; «солнечные» названия свойственны топонимике Крыма поныне – Солнечногорское, Солнечная долина и пр.¹¹² Однако оптимальным представляется направление поисков, начатое

¹¹² ТАБ, 49. С понятиями «солнце, солнечный» О. Н. Трубочев [1999, с. 273] и А. К. Шапошников [Ib., с. 279] связывали название кавказской реки Surlus (Плиний), города в Колхиде Σούριον (Птолемей), а также теонима Сол (таманская надпись) и личное имя скифского царя Савлий – с др. инд. sūrya-, saūrya-.

«рыбный путь», – о Керченском проливе. На первый взгляд, она оправдана: может относиться и к реке, и к городу, лежащему на проливе и действительно имеющем промысловое значение¹¹³. Однако эта интерпретация покоится на предположении В. Томашека, что пролив назывался Пантикапеем и его название дало имя городу, а оно безосновательно, так как не подтверждается даже намеками в источниках. Строго говоря, такая интерпретация неоправданна и с точки зрения реального положения Пантикапея: он не лежит на проливе, до него несколько километров, ближайший пункт на проливе – Мирмекий¹¹⁴.

У Пантикапея есть ярчайшая ландшафтная особенность – местонахождение на высокой горе Митридат. Это видели и древние: по словам Страбона (VII, 4, 4), «Пантикапей есть холм, вполне окруженный селитьбой на 20 стадий». На это справедливо указал О. Н. Трубачев [1999, с. 246, 259], который сопоставил его название с др. инд. *кара- «холм, бугор»; видя в первой основе др. инд. *pántā «путь, дорога», он заключил, что вероятное значение имени города – «холм у пролива (пути)»¹¹⁵. При таком смысле он предпочел не связывать названия города Пантикапея и Геродотовой реки Пантикап (предполагая, что последнее «возможно, образовано иначе, с участием *ара- «река, вода»»), в чем, на наш взгляд, заблуждался¹¹⁶.

Во-первых, оба названия Παντικῆλης и Παντικῆλαιον весьма характерны, им нет подобия в топонимике не только Северного Причерноморья, но и античного мира вообще, так что нет оснований отрывать их друг от друга. Во-вторых, значение названия города «холм у пролива (пути)» предполагает связь наименований города и пролива, что, как сказано, не имеет подтверждения в письменных источниках. Поскольку в названии Пантикапей, судя по его доминанте – горе Митридат, должно содержаться понятие «холм, гора», усматриваем в первой основе др. инд. pañkti- «пятерка», т. е. *pañkti-кара- – это «пятигорье»¹¹⁷. Гора Митридат – самая высокая часть цепи из нескольких холмов (они называются «креслами» и керченскими горами)¹¹⁸.

¹¹³ К. Г. Паустовский [1973, с. 282] писал в 1925 г.: «Керчь хороша своей рыбой, арбузами, табаком и пустынностью».

¹¹⁴ Поэтому не вполне точно утверждение некоторых источников о расположении Пантикапея на Боспорском проливе; точен Плиний (IV, 87): Пантикапей «лежит у самого устья Боспора».

¹¹⁵ Значение др. инд. *кара- «холм» восстановлено по karāla- «череп», kārāla- «составленный из черепов» и др.; семантическое развитие «череп» – «холм» обычно, самый известный пример – гора Голгофа в Иерусалиме (арам. gulgaltā).

¹¹⁶ Критику иранской и индоарийской этимологий дал Ю. В. Откупщиков [2001, с. 318–324]. Отметив, что в том и другом ономастиконе названий на -καλας нет, но во фракийском есть на -αλας, он дал членение παντικ-αλα, – это фрак. Пантико-αλα «морская вода». Применительно к обеим речкам по имени Пантикап этимология Откупщикова вполне вероятна, дело лишь за именем города: мелкая Мелек-Чесма (древняя Пантикапа) вряд ли могла дать имя городу, приметнейший облик которого – несопоставимая по величине с речушкой гора Митридат.

¹¹⁷ Стечение индийских согласных может сокращаться в греческих передачах, к опущению k в нашем случае ср. название города Δραστόκα у Птолемея (Geogr. VII, 1, 43) при др. инд. drākṣā-toka [Таронян, 2007, с. 400].

¹¹⁸ Ср. у К. Г. Паустовского [1973, с. 130-131]: герой рассказа во время гражданской войны, спасаясь

нился к малообоснованной трактовке названия Илурат в качестве иллиро-кельтского *ilurato-, из диалектного индоевроп. *ilur-at-om «место, изобилующее змеями, змеиный» при предполагаемой связи этнонима Ἰλλύριοι с индоевроп. *wīwlos «гнутой, свернутой, изгибистой, изогнутой», так что топоним Ἰλοῦρατον имеет, по его заключению «вероятное первичное значение – «место, изобилующее змеями, змеиное». Тут нагромождено одно предположение на другое, третье, вероятия минимум. Намного убедительней чистая по всем параметрам этимология имени иллирийцев О. Н. Трубочева [1983, с. 50-51]: Ἰλλύριοι из древнего названия Вислы Vistula, с переходом st > ll албанского типа (албанский язык – потомок иллирийского); Верхняя Висла в древности, судя по топонимике, была частью иллирийского ареала.

VIII. Некоторые итоги: этнонимические пласты античной топонимии Крыма

Подведем краткий итог рассмотренной топонимии в соответствии с ее языковыми стратами (см. ниже Указатель 3). Более всего, греческих названий (пункт 3а) – их 51, почти половина из 115 рассмотренных нами (111+1а, 72а, 74а, 83а). Из них приморских и морских 39, что указывает на неглубокое освоение Таврического полуострова греками – их деятельность была связана главным образом с морем. Отметим отличие греческой топонимики Крыма от топонимики собственно Греции (юга Балкан, Эгеиды и прилегающей Западной Анатолии): здесь она чисто греческая, там полна так называемых догреческих названий, которые были усвоены греками (они пришельцы XVIII в. до н. э.) от местного догреческого населения; в Крыму таково лишь одно имя – Гермисий (город, № 89). Зато неожиданным для нас образом Таврика оказалась полна так называемых средиземноморских названий (пункт 3 б Указателя) – их полтора десятка. При этом следует различать названия, принесенные греками сюда из Эллады, и туземные, издревле существующие тут со времен позднего неолита. К числу таких местных топонимов принадлежат: основное наименование полуострова – Таврика (№ 1, с вариантом Тавроскифия, № 5), данное по горной цепи юго-запада Тавр (№ 1а), а также названия крупных природных объектов – заливов Каркинит (35), Корет (41), рек Керкинит (36), Истриан (24), мысов Коракс (23), Харакс (21). Названия городов и крепости при этих морских и приморских объектах, образованные от их имен, могут принадлежать как туземному населению, так и грекам – Каркина (38), Керкинитида (37), Харакс (21), Харакена (22). Специалистам по неолиту Крыма следует уделить внимание поискам соответствий в неолитических культурах стран Средиземноморья.

Следующая по численности группа названий – индоарийская, таковых полтора десятка; конечно, не учитываем почти такое же число «киммерийских» имен по причине их мемориального характера (см. Указатель, 3в). Ввиду неповторимости этих топонимов внутренней Таврики, сохраненных Плинием и Птолемеем, мы связали их с таврами, обитателями горного юго-запада. Вместе с тем таврские археологические памятники достигают побережий Западного и Северного Крыма, что оправ-

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

дывает причисление к таврским таких имен, как Дандака (на картах и портоланах XVI-XVII вв. она порт на западном побережье: рис. 2-3). Почти все индоарийские названия – имена городов, это указывает на глубоко оседлое освоение индоариями Таврики. О древнем, доантичного времени, пребывании индоариев в Таврике свидетельствует также индоарийский характер названия крупного водного объекта в Западном Крыму – залива Тамирака, давшего имя и местности, мысу, городу (42–45). Начало индоарийской топонимии в Крыму можно отнести к XIII-XII вв. до н. э., когда здесь сложилась кизил-кобинская культура, относящаяся к кругу культур так называемого фракийского Гальштатта, простирающегося от Италии до Нижнего Поднепровья.

Фрако-дакийских названий в античной Таврике почти десяток, в основном это имена городов на Керченском полуострове – Тиритака (101), Китей (103), Казека (106), Тадзос (105). Как сказано, на Азиатском Боспоре, особенно в Восточном Приазовье, их вместе с этнонимами почти два десятка, причем некоторые известны с VI-V вв. (ТАБ, 4, 15–18, 23, 24, 27, 42, 61, 72, 117–119, 120, 121, 153, XVII). Это свидетельство автохтонности фрако-дакийского населения на обоих берегах пролива. Название его Боспор Киммерийский, являющееся также обозначением области по двум его сторонам (№ 72, 72а), согласно *opinio communis*, перенесено греками с Фракийского Боспора (так доньше думали и мы [ТАБ, 4]). Однако наличие исконно оседлого фрако-дакийского населения на обоих его берегах заставляет нас теперь думать, что ими дано название *Βόσπορος* и этому (Киммерийскому) проливу. На это наводит упомянутый (№ 72) смысл названия – фрак. *bos-paга «светлая река» (вода, пролив). Во Фракийском проливе два встречных течения с разного цвета водой – черноморская темная и средиземноморская светлая (вода Средиземного моря аквамаринного цвета, глубоко голубого, с нею сравнивали воду Черного моря греки и прочие насельники его берегов)¹¹⁹. Примерно та же картина и в Керченском проливе: вода Азовского моря светлее черноморской, здесь тоже два встречных течения. Верхнее течение с азовской водой, а по выходе из пролива в Черное море вода темнее; сильный южный ветер, бывает, нагоняет черноморскую воду на пролив и он темнеет; с подвышенного берега городища Мирмекий можно видеть слева светлую воду пролива, справа нагнанную ветром темную черноморскую воду. По светлому цвету воды, контрастному черноморской, местное фрако-дакийское население и дало проливу имя *Βόσπορος* «светлая река» (вода, пролив).

Еще один фрако-дакийский гидроним Крыма находится далеко от Керченского полуострова, на севере – залив и река Бук (№ 65–67). Однако он не изолирован, ибо по соседству с ним располагаются два обширных куста названий той же языковой принадлежности, один в соседнем углу Меотиды (впадающая в Бук река Герр, мыс да река Агар и пр.), другой в Нижнем Поднепровье [ФДТ, с. 536–542].

---

¹¹⁹ Что бы ни писали о цвете черноморской воды «очевидцы» и топонимисты (их мнения изложил Э. М. Мурзаев [2001, с. 318-319]), она существенно темная из-за пресной воды множества рек.

Боспорские исследования, вып. XXXV

Иллирийских названий всего два, оба на Керченском п-ве – города Боион да Илурат (110, 111). Ввиду малочисленности сомнения в такой атрибуции справедливо, тем более что Боион, как сказано, может быть греческим именем. Мы выделили на Европейском Боспоре их потому, что несколько иллирийских названий есть и на Азиатском Боспоре – город Адзара, этноним арихи, возможно, Суруба, Торик [ФДТ, с. 546, 548]. На севере Балкан, в Верхнем и Среднем Поднестровье, а также в Нижнем Побужье иллирийские названия соседствуют с фрако-дакийскими, так что подобное соседство можно ожидать и на Боспоре.

Иранские топонимы в Крыму наперечет, и это имена крепостей – Напис (Напит, 58), Хабеи (Хабон, 57), Оргокини («сильная»? 59); отчасти сюда и Асандра вал (97), по иранскому личному имени царя-строителя. Иранское и название Таврики Танаис (7). При безраздельном господстве в литературе по ономастике Северного Причерноморья паниранизма, в том числе относительно Крыма (К. Мюлленхоф, В.Ф. Миллер, М. Фасмер, В. И. Абаев, С. В. Кулланда и др.), скудное представительство иранской топонимии здесь хорошее свидетельство того, что паниранизм всего лишь научная мифология. В Северном Причерноморье действительно много иранских личных имен, но только в сарматскую эпоху, в скифскую их немного. По образу жизни иранская часть скифов главным образом кочевники, вследствие чего они и не могли создать сколько-нибудь заметную топонимию в Крыму.

Донесенная до нас античными источниками топонимика Крыма читается удовлетворительно, поскольку почти половина ее греческая. Кроме нее, выделяются еще только 4-5 слоев – средиземноморский, индоарийский, фрако-дакийский, иранский, может быть, иллирийский. Для такого исторического котла народов, как Крым, это немного. Эта довольно ясная картина сохраняется по II-III вв. н. э. С IV-V вв. гунны, аланы, германцы «наводят» на Крым уйму народов, в результате чего топонимический облик его существенно видоизменяется. Об этом свидетельствуют названия, сохраненные источниками этого времени и VI-VII вв., прежде всего Равеннским анонимом. С раннего средневековья топонимика Крыма становится многослойной, сложной по языковому составу, часто неведомому нам. Наслоения дальнейшего времени вообще превратили топонимию полуострова в головоломку. Во введении мы отметили, что сейчас благодаря двум монографиям [Суперанская, Исаева, Исакова, 1997; Бушаков, 2003] на хорошем профессиональном уровне изучена так наз. крымско-татарская топонимия. Это была и не очень сложная задача, поскольку названия такого рода вполне опознаются благодаря своему почти современному языку. Сравнимый по объему труд А. К. Шапошникова [2007, 2011] уделен нетюрокскому фонду крымской топонимии; написанный неровно, он удовлетворительно объяснил немного, в первую очередь по той причине, что автор оперировал в основном корневой этимологией¹²⁰. На наш взгляд, добиться успеха в разработке огромного не-

¹²⁰ Для интерпретации негреческих названий мы пользовались сравнительным методом – привлекали аналогии из богатейшей топонимики Греции, Средиземноморья, Ближнего Востока, сохраненной

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

тюркского фонда крымской топонимии позволит методика группировки названий по способу суффиксации, о чем см. раздел I. По идее, эту нашу статью, предложенную вниманию читателя, следует завершить разделом о суффиксации рассмотренных названий, но мы проделаем эту необходимую работу в монографии о топонимике и этнонимии античного Северного Причерноморья, над которой работаем и частью которой является данная статья о топонимике Крыма. Там намного больше названий и всего несколько ономастических слоев, тех же, что и в Крыму, поэтому анализ суффиксов на гораздо большем материале будет плодотворней¹²¹.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 606 с.
- Абаев В. И.* Этимологические заметки. Иранское кап «копать», «насыпать» // Труды Института языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. VI. С. 450–457.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 657 с.
- Абаев В. И.* Пантикалаиов // Бешевлиев В., Георгиев В. (Ред.). Изследования в чест на акад. Д. Дечев. София: Българска академия на науките, 1958а. С. 183–189.
- Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 272–364.
- Азбунов М. В.* Загадки Понта Эвксинского. М.: Мысль, 1985. 160 с.
- Азбунов М. В.* Античная лоция Черного моря. М.: Наука, 1987. 156 с.
- Азбунов М. В.* Античная география Северного Причерноморья. М.: Наука, 1992. 240 с.
- Белецкий А. А.* Греческие элементы в географических названиях Крыма // (Варбот Ж. Ж. и др., ред.). Этимология 1967. М.: Наука, 1968. С. 201–214.
- Белова Н. С.* Эпиграфические материалы Фанагорийской экспедиции // ВДИ. 1977. 3. С. 105–117.
- Белянский И. Л., Лезина И. Н., Суперанская А. В.* Крым. Географические названия: краткий словарь. Симф.: Таврия плюс, 1998. 160 с.
- Браун Ф. А.* Разыскания в области готто-славянских отношений. СПб.: Академия наук, 1899. 392 с.
- Бруяко И. В.* Несколько сюжетов на тему колонизации Северо-Западного Причерноморья // АМА. 2015. Вып. 17. С. 209–237.
- Бруяко И. В., Карпов В. А.* Древняя география и колебания уровня моря (на примере Северо-Западной части Черноморского бассейна в античную эпоху) // ВДИ. 1992. 2. С. 87–97.
- Буйских А. В.* Херсонес Таврический в VI в. до н. э.: миф или реальность? // АМА. 2006. Вып. 12. С. 263–276.
- Бушаков В. А.* Лексичний склад історичної топонімії Криму. Київ (б. и.), 2003. 226 с.
- Вахтина М. Ю.* Об оборонительных сооружениях и планировке Порфмия // БФ. 2011. С. 202–210.
- Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997. М.: Восточная литература, 1999. С. 91–129.
- Высотская Т. Н.* К вопросу о локализации Палакия // ВДИ. 1983. 1. С. 111–116.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тб.: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. 1328 с.

античными источниками. Лишь для объяснения экзотических для Северного Причерноморья индоарийских названий мы вынужденно прибегли к корневой этимологии, так как это в основном имена поселков, а микропонимия древней Индии известна плохо.

¹²¹ Также мы еще не работали со средневековыми картами и портоланами, сделаем это в монографии. Тут прилагаем три карты, взятые из вторых рук – из Сети («Крымоведение») лишь для иллюстрации к некоторым географическим названиям.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Гаркави А. Я.* О происхождении некоторых географических названий местностей на Таврическом полуострове // *Топонимика Крыма* 2010. Симферополь: Универсум, 2010. С. 348–352.
- Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 314 с.
- Георгиев В.* Траките и техният език. София: Българска Академия на науките, 1977. 348 с.
- Гиндин Л. А.* Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М.: Наука, 1967. 199 с.
- Гиндин Л. А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София: Болгарская Академия наук, 1981. 239 с.
- Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Главная редакция восточной литературы, 1970. 393 с.
- Граффити античного Херсонеса. К.: Наукова думка, 1978. 139 с.
- Греция [путеводитель]. М.: АСТ – Астрель, 2009. 1263 с.
- Дашевская О. Д.* К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбоном // *ВДИ*. 1958. 2. С. 143–150.
- Дашевская О. Д.* Четвертая надпись Посидея из Неаполя Скифского // *СА*. 1960. 1. С. 261–265.
- Дашевская О. Д.* О происхождении названия города Керкинитиды // *ВДИ*. 1970. 2. С. 121–128.
- Дашевская О. Д.* Поздние скифы // *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М.: Наука, 1989 (серия Археология СССР). С. 125–145.
- Дмитров Л. Д.* Перекоп. К.; Львов: Изд-во АН УССР, 1940. 106 с.
- Дуриданов И.* Езикт на траките. София: Наука и изкуство, 1976. 166 с.
- Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М.: Изд-во географич. лит-ры, 1961. 224 с.
- Ермолин А. Л., Федосеев Н. Ф.* Переправа – Порт Мион – «традиционный Порфмий» // *БФ*. 2011. С. 210–219.
- Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 388 с.
- Завойкин А. А.* Образование Боспорского государства. Симф.; Керчь: ВТС Принт, 2013. 591 с.
- Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симф.: Универсум, 2003. 212 с.
- Зедгенидзе А. А.* Вопросы освоения хоры Херсонеса Таврического и проблема «древнего Херсонеса» Страбона // *ВДИ*. 2015. 2. С. 40–55.
- Зинько В. Н.* Основы городской планировки Тиритаки в VI-V вв. до н. э. // *БК*. 2012. С. 152–156.
- Зинько В. Н.* Позднеархаическая история Европейского Боспора в свете новейших археологических исследований // *ПИФК*. 2013. 2 (40). С. 183–193.
- Зинько Е. А.* Историческая топография северо-западного предместья Пантикалея-Боспора в III-VI вв. н.э. // *БК*. 2012. С. 157–162.
- Зинько В. Н.* Тиритака. Раскоп XXVI. Том. II. Археологические комплексы VI-V вв. до н. э. Симф.; Керчь: Оранта Арт Бук, 2014 (БИ. Supplementum 11). 591 с.
- Зубарев В. Г.* Античная география Европейского Боспора по Клавдию Птолемею // *ДБ*. 1998. Т. 1. С. 105–124.
- Зубарев В. Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 503 с.
- Зубарь В. М.* Еще раз о локализации святилища и храма Партенос на Гераклеийском полуострове // *Исседон*. 2007. Т. 4. С. 99–106.
- Зубарь В. М., Сарновски Т.* Новая латинская строительная надпись с Ай-Тодора и некоторые вопросы римской военной организации в Таврике во второй половине II в. н. э. // *ВДИ*. 1997. 4. С. 50–59.
- Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. М.: Наука, 1971. Т. 1. 370 с.
- Калос Лимен – Прекрасная гавань. Симф.: Н. Орианда, 2012. 116 с.
- Колотухин В. А.* Тавры: генезис и основные этапы истории // *Проблемы истории Крыма*. ТД научной конф. Симф.: Крымское управление по печати, 1991. Ч. 1. С. 64–65.
- Конст. Багр. 1989. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1989. 496 с.
- Корнилов Г. Е.* Имитативы в чувашском языке. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1984. 184 с.
- Кулаковский Ю. А.* Прошлое Тавриды. К.: Типолитография «С. В. Кульженко», 1914. 156 с.

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

- Кулланда С. В. Скифы: язык и этногенез. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2016. 215 с.
- Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида. К.: Наукова думка, 1990. 175 с.
- Кутайсов В. А. Историческая география Северо-Западного Крыма // ВДИ. 2002. 1. С. 40–50.
- Кутайсов В. А. Курганный некрополь Калос Лимена. К.: Стилос, 2011. 240 с.
- Кутайсов В. А. От Керкинитиды к Евпатории. Симф.: Бизнес-Информ, 2016. 208 с.
- Ланцов С. Б. Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак-Афинеоне (?) Псевдо-Арриана // ВДИ. 1999. 1. С. 121–136.
- Ливишиц В. А. Парфянская ономастика. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 398 с.
- Масенко Л. Т. Річкові назви басейну Інгулу на тлі гідронімії Південної України // Питання ономастики Південної України. К.: Наукова думка, 1974. С. 96–102.
- Масленников А. А. О локализации некоторых городов Европейского Боспора первых веков н. э. // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М.: Ин-т истории СССР, 1979. С. 33–41.
- Масленников А. А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., Тула: Гриф и К⁰, 2003. 280 с.
- Масленников А. А. Сельские святилища Европейского Боспора. М., Тула: Гриф и К⁰, 2007. 562 с.
- Маштаков П. Л. Список рек Днепровского бассейна. СПб. (б. и.), 1913. 292 с.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
- Мурзаев Э. М. Слово на карте. Топонимика и география. М.: Армада-пресс, 2001. 448 с.
- Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982. 455 с.
- Никонов В. А. [Рецензия] // Вопросы языкознания. 1961. 2. С. 141–146.
- Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.
- Откупщиков Ю. В. Догреческий субстрат. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 263 с.
- Петрова Э. Б. Античная Феодосия. Симф.: СОНАТ, 2000. 263 с.
- Подосинов А. В. Черное море в картографической традиции античности и раннего средневековья // Древнейшие государства Восточной Европы 1996-1997. М.: Восточная литература, 1999. С. 237–252.
- Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. 487 с.
- Поспелов Е. М. Географические названия России. М.: Книжная находка, 2003. 348 с.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Академия наук, 1893. Т. I. 1914 стб. + 66 с. 1899. Т. II. 1814 стб. + 64 с. 1905. Т. III. 2204 стб. + 98 с. 1911. Т. IV. 2230 стб. + 107 с.
- Раевский Д. С. О местоположении древнего Евпатория // ВДИ. 1968. 3. С. 127–133.
- Раевский Д. С. Неаполь или Палакий? // ВДИ. 1976. 1. С. 102-107.
- Русяева А. С., Русяева М. В. Верховная богиня античной Таврики. К. (б. и.), 1999. 208 с.
- Русяева А. С. Святылище Ахилла на Тендре в контексте истории и религии Ольвии Понтийской // ВДИ. 2006. 4. С. 98–123.
- Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979. 246 с.
- Сапрыкин С. Ю., Внуков С. Ю. Городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму: хронология и датировка надписей // БК. 2014. С. 358–363.
- Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. К.: Наукова думка, 1977. 126 с.
- Скржинская М. В. Игры на Ахилловом Дроме // BORYSTHENICA. Николаев (б. и.), 2004. С. 144–149.
- Соломоник Э. И. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса // СА. 1958. Т. XXVIII. С. 308–316.
- Соломоник Э. И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // Нумизматика и эпиграфика. 1962. Т. 3. С. 32–44.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989 (серия Археология СССР). 464 с.
- Столба В. Ф. Монетная чеканка Керкинитиды и некоторые вопросы херсонесско-керкинитидских отношений в IV-III вв. до н. э. // Древнее Причерноморье. Одесса (б. и.), 1990. С. 141–155.
- Стрижак О. С. Етніонімія Геродотової Скіфії. К.: Наукова думка, 1988. 224 с.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Суперанская А. В., Исаева З. Г., Исхакова Х. Ф. Топонимика Крыма. М.: Московский рабочий, 1997. 403 с.
- Таронян Г. А. Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия). [Пер. и комм.] Г. А. Тароняна. М.: Ладомир, 2007. 642 с.
- Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. К.: Наукова думка, 1988. 262 с.
- Толстой И. И. Остров Белый и Таврика. Пг.: 2-я Гос. типография, 1918. 162 с.
- Топоров В. Н. О некоторых проблемах изучения древнеиндийской топонимики // Топонимика Востока. М.: Главная редакция восточной литературы, 1962. С. 78–82.
- Топоров В. Н. К фрако-балтийским языковым параллелям II // Балканский лингвистический сборник. М.: Наука, 1977. С. 59–116.
- Топоров В. Н. К древнебалканским связям в области языка и мифологии // Балканский лингвистический сборник. М.: Наука, 1977а. С. 40–58.
- Тохтасьев С. Р. «Киммерийская топонимия», I // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 142–148.
- Тохтасьев С. Р. К ономастикону и датировке херсонесских остраконов // ВДИ. 2007. 2. С. 110–125.
- Трубачев О. Н. Названия рек правобережной Украины. М.: Наука, 1968. 289 с.
- Трубачев О. Н. Шлуга // Славянское и балканское языкознание. М.: Наука, 1983. С. 49–53.
- Трубачев О. Н. Indoagica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.
- Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII в. – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 675 с.
- Туровский Е. Я. К вопросу о херсонесских гаванях на Гераклеяском полуострове // БК. 2015. С. 336–339.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964. Т. 1. 576 с. 1967. Т. 2. 671 с. 1971. Т. 3. 827 с. 1973. Т. 4. 858 с. (Репринт: М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4).
- Федосеев Н. Ф. Переправа через Боспор Киммерийский // ВДИ. 1997. 4. С. 100–110.
- Фирсов Л. В. Об Эратосфеновом исчислении окружности Земли и длине эллинистической стадии // ВДИ. 1972. 3. С. 154–174.
- Храпунов И. Н. Этническая история тавров // БИ. 2004. 5.
- Шапошников А. К. Языковые древности Северного Причерноморья (Этимология языковых реликтов Северного Причерноморья). М., 2007 (bulgari-istoria-2010.com/booksRu/A1_Shaposhnikov_Ezikovye_drevnosti_Sev_Chernomorie.pdf).
- Шапошников А. К. Древнейшая ономастика Таврического полуострова: словарь // Топонимика Крыма 2011. Симф.: Универсум, 2011. С. 271–444.
- Шестаков С. А. К топографии Пантикапея // БК. 2012. С. 477–481.
- Шилик К. К. К палеогеографии Ольвии // Ольвия. К. Наукова думка, 1975. С. 51–91.
- Щеглов А. Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1965. 2. С. 107–113. 1972. 2. С. 126–134.
- Щеглов А. Н. Тавры в VII–IV вв. до н. э. и греко-таврские отношения // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. Тб.: Мецниереба, 1988. С. 53–81.
- Щеглов А. Н. «Старый» Херсонес Страбона // Проблемы истории и археологии Крыма. Симф.: Таврия, 1994. С. 8–42.
- Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М.: Наука, 1986. 232 с.
- Яйленко В. П. Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Европейской Сарматии и Скифии // Античная балканистика. Карпато-дунайский регион в диахронии. Предварительные материалы к междунар. симпозиуму. М.: Ин-т балканистики, 1984. С. 58.
- Яйленко В. П. Уроженцы Ольвии в духовной жизни Греции // Проблемы античной культуры. ТД Крымской научной конф. Симф. (б. и.), 1988. Ч. 3. С. 275–277.
- Яйленко В. П. Этнический состав населения Крыма и смежных областей по данным античной топонимии // ТД научной конф. «Проблемы истории Крыма». Симф.: Редотдел Крымского управления по печати, 1991. Ч. 2. С. 17–20.

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

- Яйленко В. П. Фракийские гидронимы VIII–V вв. до н.э. на Северном побережье Понта // Thracia Pontica. Sofia: Galaktika, 1991. Т. 4. Р. 221–236.
- Яйленко В. П. Дискуссионные вопросы истории и эпиграфики античного Северного Причерноморья // РА. 2000. 3. С. 181–192.
- Яйленко В. П. Опистограф из Фанагории со строительной надписью и эпитафией фиасота // ПИФК. 2002. Т. 11. С. 229–242.
- Яйленко В. П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М.: Гриф, 2010. 740 с.
- Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб.: Нестор-История, 2017. 993 с. (в печати).
- Яйленко В. П. Источниковедческий анализ античных известий об основании Фанагории и Гермонассы, об Археанактидах, «синдской диасфагме», херсонесском састере; еще раз о легендах монет Феодосии и Нимфея // ДБ. 2017а (в печати).
- Brandenstein W. Der Name Labyrinth // Die Sprache. 1952. Bd. 2. S. 72–76.
- Brandis C. G. Bosporos // RE. 1897. Halbbd. 5.
- Braund D. The Ants of Myrmekion // БК. 2015. Вып. 16. С. 421–425.
- Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P.: Klincksieck, 1968, 1970, 1974, 1980. Т. 1–4. 1368 p.
- Christ W. Geschichte der griechischen Litteratur. München: C. H. Beck Verlagsbuchhandlung, 1890. 770 S.
- Cojocaru V. Bibliographia classica orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I. Epigraphica, numismatica, onomastica & prosopographica. Cluj-Napoca: Mega, 2014. 560 p.
- Derooy L. La valeur du suffixe prehellénique -nth- etc. // Glotta. 1956. Bd. 35, p. 176 sg.
- Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien: R. M. Röhrer, 1957 (Oesterreichische Ak. der Wiss. Phil. - hist. Kl. Schriften der Balkankommission, Linguist. Abt. 14). 582 S.
- Duridanov I. Thrakisch-dakische Studien. I. Sofia: Bulgarische Akademie der Wiss., 1969. (Linguistique Balkanique. T. XIII, 2). 104 S.
- Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heid.: C. Winters Verlag, 1954/65, 1970. Bd. 1-2. 1154 S.
- Güntert H. Labyrinth. Eine sprachwissenschaftliche Untersuchung. Heid., 1932 (Sb. der Heidelberger Ak. der Wiss. Phil. – hist. Kl. Jg. 1932/33. Bd. 23. Abh. 1). 49 S.
- Hoffmann O. Die Griechischen Dialekte. Gött. 1898. Bd. 3.
- Jailenko V. P. Thracian, Baltic and Indo-Aryan Hydronyms of North Pontic Area // The Thracian World at the Crossroads of Civilisation. Bucharest: VAVILA EDINF SRL, 1996. P. 371–372.
- Kretschmer P. Weiteres zur Urgeschichte der Inder // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1928. Bd. 55. S. 75–103.
- Kretschmer P. Inder am Kuban // Anzeiger der Oesterreichischen Ak. der Wiss. Phil.-hist. Kl. 1943. Wien (1944). S. 35–42.
- Lehmann-Haupt K. F. Kimmerier // RE. 1921. Hlbd. 21. Sp. 397–434.
- Mayer A. Die Sprache der alten Illyrier. Wien: R. M. Röhrer, 1959. Bd. 2. 263 S.
- Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heid.: Winter, 1960. Lfg. 14. S. 401 f.
- Müller C. Geographi Draeci minores. Parisii: Firmin Didot, 1855. Vol. 1. 576 p.
- Müller C. Claudii Ptolemaei Geographia. Parisii: Firmin Didot, 1901. Vol. I, 2.
- Pape W., Benseler G. E. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig: Verlag von F. Bieweg und Sohn, 1884. 1710 S.
- Ritter C. Die Vorhalle europäischer Völkerschichten von Herodotus. B.: G. Reimer, 1820. 479 S.
- Russu I. I. Limba traco-dacilor. București: Editura Academiei RPR, 1959. 158 p.
- Russu I. I. Illirii. București: Editura Academiei RSR, 1969. 302 p.
- Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodinas. Vilnius, Mosklas, 1981. 408 p.
- Vasmer M. Die Iranier im Südrussland. Lpz. : Markert und Petters, 1923. 79 S.
- Vinogradov Ju. G. Pontische Studien. Mainz: Ph. von Zabern, 1997. 703 S.

Боспорские исследования, вып. XXXV

Vinogradov Yu. A., Butyagin A. M., Vachtina M. Yu. Myrmekion – Porthmeus: Two “Small” Towns in Ancient Bosphorus // *Ancient Greek Colonies in the Black Sea* (eds. D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos). Thessaloniki: Greek Ministry of Culture, 2003. P. 803–840.

Zgusta L. *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha: Nakladatelství československé Akademie věd, 1955. 467 S.

REFERENCES

- Abaev V. I. *Osetinskii iazyk i folklor*. Moskva, Leningrad: Akademia nauk SSSR Publ., 1949, 606 p.
- Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka*. Moskva: Akademia nauk SSSR Publ., 1958, T. 1, 655 p.
- Abaev V. I. Παντικάπιον. *Beshevliev V., Georgiev V. (Eds.). Izsledvania v chest na akad. Dechev*. Sofia, Bolgarska akademija na naukite, 1958a, pp. 183–189.
- Agbunov M. V. *Zagadki Ponta Evksinskogo*. Moskva: Mysl' Publ., 1985, 159 p.
- Agbunov M. V. *Antichnaia lozia Chernogo moria*. Moskva: Mysl' Publ., 1987, 155 p.
- Agbunov M. V. *Antichnaia geografia Severnogo Prichernomoria*. Moskva: Mysl' Publ., 1992, 236 p.
- Beletskii A. A. Grecheskie elementy v geograficheskikh nazvaniakh Kryma. *Varbot J. J. et alii (Eds.). Etimologia 1967*. Moskva: Nauka, 1968, pp. 201–214.
- Belova N. S. Epigraficheskie materialy Fanagoriiskoi ekspeditsii. *VDI*, 1977, 3, pp. 105–117.
- Belianskii I. L., Lezina I. N., Superanskaia A. V. *Krym. Geograficheskie nazvanija: kratkii slovar*. Simferopol: Tavria plus, 1998, 160 p.
- Brandenstein W. *Der Name Labyrinth. Die Sprache*, 1952, Bd. 2, S. 72–76.
- Brandis C. G. Bosphoros. *RE*, 1897, Halbbd. 5.
- Braun Th. A. *Razyskanija v oblasti goto-slavianskikh otoshenii*. S. Peterburg: Akademia nauk, 1899, 392 p.
- Braund D. The Ants of Myrmekion. *BK*, 2015, pp. 421–425.
- Bruiaiko I. V. Neskolko suzhetov na temu kolonizatsii Severo-Zapadnogo Prichernomoria. *AMA*, 2015, Vyp. 17, pp. 209–237.
- Bruiaiko I. V., Karpov V. A. Drevnia geografia i kolebania urovnia moria. *VDI*, 1992, 2, pp. 87–97.
- Buiskikh A. V. Chersones Tavricheskii v VI v. do n. e.: mif ili realnost? *AMA*, 2006, Vyp. 12, pp. 263–276.
- Bushakov V. A. *Leksichnyi sklad istorichnoi toponimii Krymu*. Kyiv (b. i.), 2003, 226 p.
- Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris: Klincksieck, 1968, T. 1, pp. 1–305; T. 2, 1970, pp. 307–607; T. 3, 1974, pp. 610–962.
- Christ W. *Geschichte der griechischen Litteratur*. München: C. H. Beck Verlagsbuchhandlung, 1890, 770 S.
- Cojocar V. *Bibliographia classica orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I. Epigraphica, numismatica, onomastica & prosopographica*. Cluj-Napoca: Mega, 2014, 560 p.
- Dashevskaja O. D. K voprosu o lokalizatsii trekh skifskikh krepostei, upominaemykh Strabonom. *VDI*, 1958, 2, pp. 143–150.
- Dashevskaja O. D. Chetvertaia nadpis Posidea iz Neapolia Skifskogo. *SA*, 1960, 1, pp. 261–265.
- Dashevskaja O. D. O proiskhozhdenii nazvanija goroda Kerkinitidy. *VDI*, 1970, 2, pp. 121–128.
- Dashevskaja O. D. Pozdnie skify. *Rybakov B. A. et alii (Eds.). Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*. Moskva: Nauka, 1989, pp. 125–145.
- Dmitrov L. D. *Perekop*. Kiev, Lvov: Akademia nauk USSR Publ., 1940, 106 p.
- Deroy L. La valeur du suffixe prehellénique -nth- etc. *Glotta*, 1956, Bd. 35, pp. 176 sg.
- Detschew D. *Die thrakischen Sprachreste*. Wien: R. M. Röhrer, 1957 (Oesterreichische Ak. der Wiss. Phil. - hist. Kl. Schriften der Balkankommission, Linguist. Abt. 14), 582 S.
- Duridanov I. *Thrakisch-dakische Studien. I*. Sofia: Bulgarische Akademie der Wiss., 1969 (Linguistique Balkanique. T. XIII, 2), 104 S.
- Duridanov I. *Ezikt na trakite*. Sofia: Nauka i izkustvo Publ., 1976, 166 p.
- Edelman D. I. *Sravnitel'naia grammatika vostochnoiranskikh iazykov. Fonologia*. M.: Nauka, 1986. 232 p.
- Elnitskii L. A. *Znania drevnikh o severnykh stranakh*. M.: Izd-vo geografich. literatury, 1961, 224 p.

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

- Ermolin A. L., Fediseev N. F. Pereprava – port Mion – “traditsionnyi Porfmii”. *BF*, 2011, pp. 210–219.
- Fedoseev N. F. Pereprava cherez Bospor Kimmeriiskii. *VDI*, 1997, 4, pp. 100–110.
- Firsov L. V. Ob Eratosfenovom ischislenii okruzhnosti Zemli i dline ellinisticheskoi stsdii. *VDI*, 1972, 3, pp. 154–174.
- Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heid. : C. Winters Verlag, 1954/65, 1970, Bd. 1-2, 1154 S.
- Gamkrelidze T. V., Ivanov Viach. Vs. *Indoeuropeiskii iazyk i indoeuropeitsy*. Tbilisi: Univ. Publ., 1984, T. 1, 429 p.; T. 2, 469–1329 p.
- Georgiev V. *Issledovania po sravnitel'no-istoricheskomu iazykoznaniiu*. Moskva: Vostochnaia literatura Publ., 1958, 314 p.
- Georgiev V. *Trakite i tekhniat ezik*. Sofia: Bulgarskata Akademia na naukite Publ., 1977, 345 p.
- Gindin L. A. *Iazyk drevneishego naselenia yuga Balkanskogo poluostrova*. Moskva: Nauka Publ., 1967, 197 p.
- Gindin L. A. *Drevneishaia onomastika Vostochnykh Balkan*. Sofia: Bolgarskaia Akademia nauk Publ., 1981, 238 p.
- Grantovskii E. A. *Rannia istoria iranskikh plemen Perednei Asii*. Moskva: Glavnaia redaltsia vostochnoi lit., 1970, 393 p.
- Graffiti antychnogo Chersonesa*. Kiev: Naukova dumka, 1978. 139 p.
- Gretsia [Putevoditel]. Moskva: AST-Astrel, 2009. 1263 p.
- Güntert H. *Labyrinth. Eine sprachwissenschaftliche Untersuchung*. Heid., 1932 (Sb. der Heidelberger Ak. der Wiss. Phil. – hist. Kl. Jg. 1932/33. Bd. 23. Abh. 1). 49 S.
- Hoffmann O. *Die Griechischen Dialekte*. Gott. 1898. Bd. 3.
- Illich-Svitych V. M. *Opyt sravnenia nostraticheskikh iazykov*. Moskva: Nauka Publ., 1971, [T. 1], 369 p.
- Jailenko V. P. Thracian, Baltic and Indo-Aryan Hydronyms of North Pontic Area. *Roman P. (Ed.). The Thracian World at the Crossroads of Civilisation*. Bucharest: VAVILA EDINF SRL, 1996, pp. 371-372.
- Kalos limen – Prekrasnaia gavan. Simf.: N. Orianda, 2012, 116 p.
- Khrapunov I. N. Etnicheskaia istoria tavorov. *BI*, 2004, T. 5.
- Kolotukhin V. A. Tavry: genesis i osnovnye etapy istorii. *Problemy istorii Kryma. Tezisy dokladov nauchnoi konf.* Simf. : Krymskoe upravlenie po pečati, 1991. Ch. 1, pp. 64-65.
- Konstantin Bagrianorodnyi. *Ob upravlenii imperiei*. M.: Nauka, 1989, 496 p.
- Kornilov G. E. *Imitativy v chuvashskom iazyke*. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izd-vo, 1984, 184 p.
- Kulakovskii Yu. A. *Proshloe Tavridy*. Kiev: Tipo-litografia “S. V. Kul’zhenko”, 1914, 156 p.
- Kullanda S. V. *Skify: iazyk i etnogeneza*. M.: Un-t Dm. Pozharskogo, 2016, 215 p.
- Kutaisov V. A. *Antichnyi gorod Kerkinitida*. Kiev: Naukova dumka, 1990, 175 p.
- Kutaisov V. A. Istoricheskaia geografia Severo-Zapadnogo Kryma. *VDI*, 2002, 1, pp. 40–50.
- Kutaisov V. A. *Kurgannyi nekropol’ Kalos limena*. Kiev: Stilos, 2011, 240 p.
- Kutaisov V. A. *Ot Kerkinitidy k Evpatorii*. Simf.: Biznes-Inform, 2016, 208 p.
- Lantsov S. B. Kratkie svedenia o bosporskoj kreposti Kutlak-Afineone (?) Psevdo-Arriana. *VDI*, 1999, 1, pp. 121–136.
- Livshits V. A. *Parfianskaya onomastika*. SPb.: Petrburgskoe lingvisticheskoe obschestvo, 2010, 398 p.
- Masenko L. T. Richkovy nazvy baseinu Ingulu na tli gidronimii Pivdennoi Ukrainy. *Tsiluiko K. K. (Ed.). Pytannia onomastiki Pivdennoi Ukrainy*. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 96–102.
- Maslennikov A. A. O lokalizatsii nekotorykh gorodov evropeiskogo Bospora pervykh vekov n. e. *Voprosy istochnikovedenia i istoriografii istorii dosovetskogo perioda*. M.: In-t istorii SSSR, 1979, pp. 33-41.
- Maslennikov A. A. *Drevnie zemlianye pogranychno-oboronitelnye sooruzhenia Vostochnogo Kryma*. M.; Tula: Grif & K°, 2003, 280 p.
- Maslennikov A. A. *Sel’skie sviatilischa Evropeiskogo Bospora*. M.; Tula: Grif & K°, 2007, 562 p.
- Mashtakov P. L. *Spisok rek Dneprovskogo basseina*. SPb. (ohne Verlag), 1913, 292 p.
- Murzaev E. M. *Slovar’ narodnykh geograficheskikh terminov*. M.: Mysl’, 1984, 653 p.
- Murzaev E. M. *Slovo na karte. Toponimika i geografiya*. M.: Armada-press, 2001, 448 p.
- Dovatur et alii (Eds.). *Narody nashei strany v “Istorii” Gerodota*. M.: Nauka, 1982, 455 p.
- Nikonov V. A. [Retsenzia]. *Voprosy iazykoznanija*, 1961, 2, pp. 141–146.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Nikonov V. A. *Kratkii toponimicheskii slovar'*. Moskva, Mysl' Publ., 1966, 509 p.
- Otkupshchikov Yu. V. *Dogrecheskii substrat*. Leningrad, Univ. Publ., 1988, 261 p.
- Petrova E. B. *Antichnaia Feodosia*. Simf.: SONAT, 2000, 263 p.
- Podosinov A. V. Chernoe more v kartograficheskoi traditsii antichnosti i rannego srednevekovia. *Kalinina T. M. (Ed.). Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy 1996-1997*. M.: Vostochnaia literatura, 1999, pp. 237–252.
- Podosinov A. V. *Vostochnaia Evropa v rimskoi kartograficheskoi traditsii*. M.: Indrik, 2002, 487 p.
- Pospelov E. M. *Gegraficheskie nazvaniia Rossii*. M.: Knizhnaia nakhodka, 2003, 348 p.
- Radlov V. V. *Opyt slovaria tiurkskikh narechii*. S. Peterburg, Akademia nauk Publ., 1893, T. I, 1914 col. + 66 p. 1899, T. II, 1814 col. + 64 p. 1905, T. III, 2204 col. + 98 p. 1911, T. IV, 2230 col. + 107 p.
- Raevskii D. S. O mestopolozenii drevnego Evpatoria. *VDI*, 1968, 3, pp. 127–133.
- Raevskii D. S. Neapol' ili Palakii? *VDI*, 1976, 1, pp. 102–107.
- Rusiaeva A. S. *Verkhovnaia boginia antichnoi Tavriki*. Kiev (ohne Verlag), 1999, 208 p.
- Rusiaeva A. S. Sviatilische Akhilla na Tendre v kontekste istorii i religii Ol'vii Pontiiskoi. *VDI*, 2006, 4, pp. 98–123.
- Rybakov B. A. *Gerodotova Skifia*. Moskva, Nauka Publ., 1979, 246 p.
- Rybakov B. A. et alii (Eds.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*. Moskva: Nauka, 1989, 464 p.
- Saprykin S. Yu., Vnukov S. Yu. Gorodische Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu: khronologia i datirovka nadpisei. *BK*, 2014, pp. 358–363.
- Scheglov A. N. Zametki po drevnei geografii i topografii Sarmatii i Tavridy. *VDI*, 1965, 2, pp. 107–113. 1972, 2, pp. 126–134.
- Scheglov A. N. Tavry v VII-IV vv. do n/ e/ i greko-tavrskie otnoshenia. *Lordkipanidze O. D. (Ed.). Mestnye etno-politicheskie ob'edinenia Prichernomoria v VII-IV vv. do n. e.* Tbilisi: Metsniereba, 1988, pp. 53–81.
- Scheglov A. N. "Staryi" Khersones Strabona. *Problemy istorii i arkheologii Kryma*. Simf.: Tavria, 1994, pp. 8–42.
- Shaposhnikov A. K. *Iazykovye drevnosti Severnogo Prichernomoria (Etimologia iazykovykh reliktov Severnogo Prichernomoria)*. M., 2007 (bulgari-istoria-2010.com/booksRu/AI_Shaposhnikov_Ezikovy_e_drevnosti_Sev_Chernomorie.pdf).
- Shaposhnikov A. K. Drevneishaia onomastika Tavricheskogo poluoostrova: slovar'. *Toponimika Kryma 2011*. Sinf.: Universum, 2011, pp. 271–444.
- Shilik K. K. K paleogeografii Ol'vii. *Bibikov S. N. Ol'via*. Kiev: Naukova, 1975, pp. 51–91.
- Skrzhinskaia M. V. *Severnoie Prichernomorie v opisani Plinia Starshego*. Kiev: Naukova dumka, 1977, 126 p.
- Skrzhinskaia M. V. Iгры na Akhillovom drome. *BORUSTHENIKA*. Nikolaev (ohne Verlag), 2004, pp. 144–149.
- Solomonik E. I. Chetyre nadpisi iz Neapolia i Chersonesa. *SA*, 1958, T. XXVIII, pp. 308–316.
- Solomonik E. I. Epigraficheskie pamiatniki Neapolia Skifskogo. *Numizmatika i epigrafika*, 1962, T. 3, pp. 32–44.
- Stolba V. F. Monetnaia chekanka Kerkinitidy i nekotorye voprosy khersonessko-kerkinitidskikh otnoshenii v IV-III vv. do n. e. *Drevnee Prichernomorie*. Odessa (ohne Verls), 1990, pp. 141–155.
- Strizhak O. S. *Etonimia Gerodotovo Skifii*. Kiev: Naukova dumka, 1988, 224 p.
- Superanskaia A. V., Isaeva Z. G., Iskhakova Kh. F. *Toponimika Kryma*. M.: Moskovskii rabochii, 1997, 403 p.
- Taronian G. A. *Drevnii Vostok v antichnoi i rannekhristsianskoi traditsii (India, Kitai, Yugo-Vostochnaia Asia)*. *Podbor tekstov, perevod s drevnegrecheskogo i latinskogo...* G. A. Taroniana. Moskva, Ladomir, 2007, 639 p.
- Terenozhkin A. I., Mozolevskii B. N. *Melitopol'skii kurgan*. Kiev: Naukova dumka, 1988, 262 p.
- Tolstoi I. I. *Ostrov Belyi i Tavrika*. Petrograd: 2-ia gos. tipografia, 1918, 162 p.
- Toporov V. N. O nekotorykh problemakh izucheniia drevneindiiskoi toponimiki. *Toponimika Vostoka*. M.: Glavnaia redaktsia vostochnoi literatury, 1962, pp. 78–82.
- Toporov V. N. K frako-baltiiskim iazykovym parallelam II. *Zalizniak A. A. (Ed.). Balkanskii lingvisticheskii sbornik*. Moskva, Nauka Publ., 1977, pp. 59–116.

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

- Toporov V. N. K drevnebalkanskim sviaziam v oblasti iazyka i mifologii. *Zalizniak A. A. (Ed.). Balkanskii lingvistichestkii sbornik*. Moskva, Nauka Publ., 1977, pp. 40–58.
- Tochtasiev S. R. “Kimmeriiskaya toponimia”, I. *Bernshtein S. B. et alii (Eds.). Etnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomoria*. M.: Nauka, 1984, pp. 142–148.
- Tochtasiev S. R. K onomastikonu i datirovke khersonesskikh ostrakonov. *VDI*, 2007, 2, pp. 110–125.
- Trubachev O. N. *Nazvania rek pravoberezhnoi Ukrainy*. M., Nauka Publ., 1968, 289 p.
- Trubachev O. N. Illyrica. *Gindin L. A. et alii. Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie*. M., Nauka Publ., 1983, pp. 49–53.
- Trubachev O. N. *Indoarikaca v Severnom Prichernomorie*. Moskva, Nauka Publ., 1999, 319 p.
- Tunkina I. V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)*. SPb.: Nauka, 2002, 675 p.
- Turovskii E. Ya. K voprosu o khersonesskikh gavaniakh na Gerakleiskom poluostrove. *BK*, 2015, pp. 336–339.
- Vakhtina M. Yu. Ob oboronitel'nykh sooruzheniakh i planirovke Porfmia. *BF*, 2011, pp. 202–210.
- Vanagas A. *Lietuvių hidronimų etimologinis žodinas*. Vilnius, Mosklas, 1981, 408 p.
- Vasmer M. *Die Iranier im Südrussland*. Lpz., Markert und Petters, 1923, S.
- Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazykaq*. Moskva: Progress, 1964, T. 1, 562 p.; T. 2, 1967, 671 p.; T. 3, 1971, 827 p. (Reprint, 1986–1987, T. 1–4).
- Vinogradov Yu. G., Zolotarev M. I. Khersones iznachal'nyi. *Kalinina T. M. (Ed.). Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy 1996–1997*. M.: Vostochnaia literatura, 1999, pp. 91–129.
- Vysotskaia T. N. K voprosu o lokalizatsii Palakia. *VDI*, 1983, 1, pp. 111–116.
- Zavoikin A. A. *Obrazovanie Bosporskogo gosudarstva*. Simf.; Kertch: VTS Print, 2013. 591 p.
- Zaitsev Yu. P. *Neapol' Skifskii (II v. do n. e. – III v. n. e.)*. Simf.: Universum, 2003, 212 p.
- Zedgenidze A. A. Voprosy osvoenia khory Khersonesa Tavricheskogo i problema “drevnego Khersonesa” Strabona. *VDI*, 2015, 2, pp. 40–55.
- Zhebelev S. A. *Severnoe Prichernomorie*. M.; L.: Izd-vo Akademii nauk, 1953, 388 p.
- Zin'ko V. N. Osnovy gorodskoi planirovki Tiritaki v VI–V vv. do n. e. *BK*, 2012, pp. 152–156.
- Zin'ko V. N. Pozdnearkhaicheskaia istoria Evropeiskogo Bospora v svete noveishikh arkheologicheskikh issledovani. *PIFK*, 2013, 2 (40), pp. 183–193.
- Zin'ko V. N. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom II. Arkheologicheskie komplekсы VI–V vv. do n. e.* Simf.; Kertch: Oranta Art Book, 2014 (*BI. Supplementum 11*). 591 p.
- Zin'ko E. A. Istiricheskaia topografia severo-zapadnogo predmestia Pantikapeia-Bospora v III–VI vv. n. e. *BK*, 2012, pp. 157–162.
- Zubar' V. M. Esche raz o lokalizatsii sviatilisha i khrama Partenos na Gerakleiskom poluostrove. *Issedon*, 2007, T. 4, pp. 99–106.
- Zubar' V. M., Sarnovski T. Novaia latinskaia stroitel'naia nadpis' s Ai-Todora i nekotorye voprosy rimskoi voennoi organizatsii v Tavrike vo vtoroi polovine II v. n. e. *VDI*, 1997, 4, pp. 50–59.
- Zubarev V. G. Antichnaia geografia Evropeiskogo Bospora po Klavdiu Ptolemeiu. *DB*, 1998, T. 1, pp. 105–124.
- Zubarev V. G. *Istiricheskaia geografia Severnogo Prichernomoria po dannym antichnoi pis'mennoi trditsii*. M.: Iazyki slavianskoi kultury, 2005. 503 p.

Резюме

В Крыму несколько природных зон – приморский Западный Крым, горный Юго-Запад, степной Центральный Крым, Восточный; их природные условия во многом определяли характер топонимики. Древняя крымская топонимия насчитывает несколько слоев – греческий, средиземноморский, индоарийский (киммерийский), фрако-дакийский, иранский, возможно, иллирийский. Всего рассмотрены 115 топонимов, почти половина греческие, большинство их приморские; топонимы внутренней Таврики в основном негреческие, туземные.

Ключевые слова: Античный Крым, греческие, средиземноморские, индоарийские, фрако-дакийские топонимы.

Summary

There are some physical zones in Crimea – the seaside West, the mountain South-West, the steppes of Central Crimea, East Crimea; their physical features have influenced a character of many place-names. The ancient Crimean toponymy has several levels – the Greek, the Mediterranean, the Indo-Aryan (Cimmerian), the Thraco-Dacian, the Iranian, and possible the Illyrian. The author has investigated 115 place-names, almost half are the Greek, they are presumably the seaside. The place-names of Inner Crimea are principally non-Greek ones, it's native toponymy.

Key words: Ancient Crimea, Greek, Mediterranean, Indo-Aryan, Thraco-Dacian place-names.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Яйленко Валерий Петрович,
доктор исторических наук, профессор,
независимый исследователь, Москва,
8(499)6763156,
valeryjailenko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yailenko Valery, DSc, Prof.
Independent researcher, Moscow,
8(499)6763156,
valeryjailenko@gmail.com

Рис. 1. Карта Птолемея, издана Страсбург, 1513; она же изд. Г. Меркатор, Кельн, 1584 г.

Рис. 2. Г. Меркатор, карта.

Рис. 3. Г. Меркатор. Карта, изд. Амстердам, 1641 г.